

23897

ЦЕНА 45 КОП.

На 2 полугодие
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

на журнал
„Вопросы Стенографии и Машинописи“

СНИЖЕНА

На 6 мес.	2 руб.
» 3 »	1 »
» 1 »	35 коп.

Для подписчиков „Нашей Газеты“

а также для учащихся (по удостовер. с курсов) и безработных (по справкам к-тов стеногр. или биржи труда):

на 6 мес.	1 р. 50 к.
» 3 »	— 80 к.

Подписка принимается:

в Москве: районными уполномоченными, организаторами подписки на „Нашу Газету“ и специальными организаторами по журн. „В. С. и М.“ в коллективах, поч.-тел. конторами и в Главной К-ре Изд-ва, Москва, 19, ул. Герцена: 12а;

в провинции: уполномоченными, организаторами подписки на „Нашу Газету“ и спец. орг-рами „В. С. и М.“ в коллективах, в отделениях центр. изд-в, поч.-тел. отделениях и контраг. печати.

И/37
28

**ВОПРОСЫ
СТЕНОГРАФИИ
И МАШИНОПИСИ**

№ 7

1928.

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. Д.—К Всесоюзному конкурсу стенографов	1
Д-р Д. Рабинович.—Профессиональные вредности труда стенографа методика их диспансеризации	3
Т. Танкова.—О влиянии машинки на стенографирование	6
З. Родионова.—Протокол—путь к в недрению стенографии	7
А. Холодная.Побольше ответственности	8
Условия конкурса на лучших стенографов СССР	9
В. Даниель-Бек.—Почему не закончена работа?	11
В. Лобода.—Перспективы унитарной системы	12
Д-р А. Бружес.—Рабочее место машинистки и ее посадка	15
А. Тихомирова.—О неразборчивых почерках	20
Н. Дмитревский.—К вопросу о перекалфикации машинисток	21
Д. Кузьмин.—Против или за десятипальцевый метод	23
В. Владимирова.—О ритме и десятипальцевом слепом	25
И. Менделеев.—Об единой клавиатуре	26
Н. Фус.—Исправление ошибок	28
Е. К-ва.—Как писать восковки	29
А. Акишин.—Кто имеет право на пенсию по инвалидности?	30
Правила об условиях труда съездовых стенографов	31
Маргарита В.—Ключ (рассказ)	32
М. Холоденко —Вредная идея (маленький фельетон)	34
Р. В.—Вечер советской машинистки	36
Р-ва.—Рационализация дыбом	37
Работа комитета стенографов (Ярославль)	38
Н. Плеханова.—Памяти А. М. Охитович	39
А. Б. Зарубежные новости	40

Расшифровка стенограмм, помещенных в № 4 „В. С. и М.“

«ЧЕМУ НАС УЧИТ ИЛЬИЧ»

(Краткие выдержки из сочинений и речей Ленина).

Диктатура рабочего класса, — это значит: рабочее государство без колебания подавит помещиков и капиталистов, подавит изменников и предателей, помогающих этим эксплуататорам, победит их.

Рабочее государство — беспощадный враг помещика и капиталиста, спекулянта и мошенника, враг частной собственности на землю и на капитал, враг власти денег.

Рабочее государство — единственный верный друг и помощник трудящихся и крестьянства. Никаких колебаний в сторону капитала, союз трудящихся в борьбе с ним,

рабоче-крестьянская власть, советская власть,— вот что значит на деле «диктатура рабочего класса».

Расшифровку этого текста прислали:

1) по сист. Н. Соколова — т.т. Меркулов П. из г. Ромны (сделав 3 ошибки) и Прохоров В. из г. Симферополя (сделав 5 ошибок и 1 пропуск);

2) по сист. Терне-Гильдебрандтов. Евфанов из Ростова н/Д. (сделав 2 ошибки и 2 пропуска); тов. Афанасьев К. из Ташкента (сделав 1 ошибку).

ПОПРАВКИ

№ 6 «В. С. и М.»

Напечатано:

- Стр. 18. прав. колонка, 3-я строчка сверху:
«7. Уменьшение статистической работы.»..
- Там же, 7-я строчка снизу.
«14. Удлинение периода тренировки рук при на обучении машинописных курсах.»..

Следует читать:

- «7. Уменьшение статической работы.»..
- «14. Удлинение периода тренировки рук при обучении на машинописных курсах.»..

137
28

Горобейник, все страны, соединяются!

ВОПРОСЫ

СТЕНОГРАФИИ

ежемесячный научно-производственный журнал

ЦК ПРОФСОЮЗА
СОВЕТСКИХ РАБОТНИКОВ СССР

МАШИНОПИСИ

Июль № 7 1928 г. Год издания шестой.

К всесоюзному конкурсу стенографов

Всякое соревнование является стимулирующим началом движения вперед, стимулом к прогрессу в той или иной области. И если в широком масштабе ставить вопрос о повышении квалификации стенографов, о дальнейшем развитии и распространении стенографии, то надо сказать, что конкурсы, как генеральные смотры стенографов Союза, должны стать у нас явлением регулярным.

Что мы имели до сего времени... Полвека назад изредка имели место конкурсы систем. С учреждением Госуд. думы и Гос. совета неоднократно проводились конкурсы, но эти конкурсы имели своей целью отбор для замещения свободных вакансий в штате стенографов и по масштабу своему были очень узкими.

В послереволюционное время, в апреле 1926 года, мы имели первый широкий стенографический конкурс по радио, конкурс, не особенно удачно прошедший по ряду технических обстоятельств.

Сейчас, когда можно в достаточной степени точно сформулировать наши требования к съездовым стенографам и к стенотипицам,— необходимость организации всесоюзного стенографического конкурса стала совершенно очевидной и крайне настоятельной. Это подтвердили общие собрания стенографов в шестнадцати городах Союза, от Москвы до Новосибирска и от Ленинграда до Ашхабада. Ряд чрезвычайно интересных и практически ценных материалов дают письма в журнал отдельных товарищей со всех концов Союза.

В настоящем номере журнала помещены условия, выработанные специальной комиссией, для этого образованной. Условия эти являются окончательными. Срок конкурса, который установлен этими условиями, т. е. с 1 октября по 1 ноября, должен удовлетворить всех, так как дает возможность местам достаточно успешно подготовиться к нему.

Целью конкурса является, прежде всего, выявление лучших стенографов СССР. Здесь, прежде всего, мы ни в коем случае не считаем возможным связывать проведение конкурса непосредственно с установлением унитарной системы. Материалы конкурса могут быть использованы комиссией по выработке унитарной системы лишь косвенно, лишь как известного рода экспериментальные данные, нуждающиеся в целом ряде коррективов. При организации конкурса возникал вопрос о предельной скорости стенографического письма. Разрешение этого вопроса мы мыслим себе пока в пределах 140 слов, и если найдутся стенографы, обладающие этой скоростью,— для следующего конкурса мы сможем поставить более высокие рекорды.

Ставка конкурса на отдельного лучшего стенографа... Здесь исключен момент чемпионата городов, стенографы которых примут участие в конкурсе.

Состязание коллективов стенографов по городам не ответило бы на главный вопрос конкурса, так как заранее можно сказать, что лучшие сработавшиеся коллективы будут в городах наибольшего политического и экономического значения.

Преследуя цель выяснить лучшие стенографические силы СССР, мы в то же время не ограничиваем значение конкурса только этим и считаем, что в результате конкурса мы получим, с одной стороны, вообще оживление и интерес к стенографии, а с другой стороны массу чрезвычайно любопытных материалов. Прежде всего участники конкурса должны будут дать о себе ряд сведений, затем само проведение конкурса, максимально единообразное, даст материалы, совершенно сравнимые между собой.

Практика стенографических конкурсов за-границей дает нам примеры конкурсов на скорость стенографирования, скорость дешифрирования, на правильность стенографи-

XXVIII

ческого письма, т. е. полное соответствие стенограммы с требованиями данной системы — правильность начертаний и т. д. Но, учитывая, что данный конкурс в таком масштабе является первым, — и как первый опыт не может быть очень усложнен, — мы полагаем, что в дальнейшей практике наших стенографических конкурсов можно будет провести и ряд других стенографических состязаний.

Настоящий конкурс охватывает две категории стенографов — чистых стенографов — съездовых и стенотипинок. В целом ряде откликов на поставленный журналом вопрос о конкурсе было выдвинуто пожелание о раздельном проведении конкурса съездовых стенографов и конкурса стенотипинок. Безусловно правильная и бесспорная мысль, поскольку мы здесь имеем две совершенно различные квалификации.

Конкурс съездовых стенографов имеет своей задачей выяснить скорость письма и умение редактировать у лучших стенографов СССР.

В условиях конкурса установлены четыре скорости на 110, 120, 130, 140 слов (или в пересчете на слоги — на 300, 330, 357 и 385 слогов). Здесь уместно коснуться вопроса о необходимости перейти на слоговой подсчет. Пословный расчет уже давно за границей отвергнут, в нашей практике он также осужден, но до настоящего времени мы еще не сумели перейти на слоговой подсчет. Подсчет по словам, резко отличающим между собой по величине, не дает ясного представления о той или иной скорости. В нашем пересчете слов на слоги мы пользовались и подсчетами одесских товарищей. Средние цифры, приведенные в докладе т. Иванова (Одесса), полностью подтверждают правильность взятого нами коэффициента в 2,75 (для текста экономического и политического содержания). Этот коэффициент в свое время был принят и Русским Стенографическим Обществом.

По вопросу о предъявляемом к стенографу требовании умения редактировать свою стенограмму в журнале «В. С.» была развернута целая дискуссия. Смысл и значение этого требования мы не будем здесь затрагивать и более близко можно ознакомиться с данным вопросом в журнале за 1927 г. (см. №№ 2, 3, 5).

Данный конкурс мы рассматриваем, как единый конкурс, одновременно проводящийся по всему Союзу, и лишь территориально разделенный. И первым условием здесь был выбор единого текста, который из центра будет разослан по городам. Это конечно, совершенно непререкаемое условие, потому что все участники конкурса должны быть поставлены в совершенно одинаковые условия. Тексты будут даны политического и технически-производственного характера. Литературный текст исключен, с одной стороны, для того, чтобы разгрузить несколько конкурсов, а с другой стороны, в силу того, что литературный текст не является очень распространенным в обычной стенографической работе. Исключение литературного текста вполне соответствует тем пожеланиям, которые были высказаны в ряде писем в редакцию журнала.

Другой конкурс, который будет проводиться в то же время, отделенный от первого только несколькими днями, — конкурс на стенографистку-машинистку (стенотипистку). Этому конкурсу, охватывающему весьма широкие слои работников стенографии, которых сейчас так нужно внедрить в соваппарат на местах, должно быть уделено особое внимание. Всем участникам этого конкурса необходимо иметь пишущие машинки, а это несколько усложнит конкурс. Здесь местным комитетам при содействии губотделов нужно будет заблаговременно договориться с соответствующими учреждениями и заранее обеспечить себя пишущими машинками. Все сказанное относительно конкурса съездовых стенографов в значительной своей части относится и к этому конкурсу. Точно так же будет дан единый текст, тот же метод подсчета ошибок и т. д.

Надо остановиться и на вопросе о месте оценки работ. Всесоюзный конкурс, выдвигающий лучших стенографов СССР, может дать оценку им только при полной сравнимости конкурсных работ и при едином методическом подходе к оценке этих работ. Эта тяжелая и очень сложная задача выпадет на долю центрального жюри. На долю местных жюри ложится обязанность дать свое заключение о работах своих стенографов и с этим заключением переслать в центр. На местных жюри лежит и вся организационная сторона проведения конкурса.

В заключение остается высказать только пожелание, что в конкурсе примут участие широкие слои стенографов и стенографисток-машинисток, так как само построение конкурса не ставит никаких ограничений в этом отношении. Стенографы всех скоростей, все виды квалификации стенографического труда должны принять участие в этом первом всесоюзном стенографическом конкурсе.

В. Д.

ГИГИЕНА ТРУДА

Профессиональные вредности труда стенографа и методика их диспансеризации.

(Доклад, читанный д-ром Рабиновичем на заседании врачей Сокольнического Амбулаторного Объединения Мосздравотдела.)

Между клиническим обследованием профессиональной группы, каким является диспансерное обследование, и изучением профессиональных вредностей труда той же группы имеется глубокая и тесная связь. В любой профессии, в любой работе мы заинтересованы при обследовании в том, чтобы прощупать, какие именно основные «рабочие органы» являются наиболее отягощенными в процессе работы.

Только изучение профессиональных вредностей работы и ознакомление с механизмом их воздействия на организм работающего дает клиницисту указание, где, в каком направлении искать профессиональную патологию.

В противном случае он может уподобиться тому золотоискателю, который находит на 100 пудов песка только 1 песчинку золота.

Эта основная истина лежит в основе каждого обследования. Если подойти к обследованию работников стенографии, которое сейчас уже находится в процессе изучения, — то эта истина должна применяться здесь больше, чем где бы то ни было. Если мы не будем знать более детально ту обстановку работы, в которой находится работник стенографии, то нельзя будет поставить правильного диагноза профессионального заболевания.

Мы имеем в Советской Республике сравнительно небольшое количество стенографов, около 2000; но качественный удельный вес этой группы чрезвычайно велик и поэтому-то в динамике своей мы на стенографа возлагаем большие надежды.

Вы слышали, что за границей стенография является необходимым предметом преподавания обычной школы. Я не говорю об управленческом аппарате, целый ряд работников которого знает стенографию.

Если мы хотим поспеть за темпом истории, если мы хотим жить и работать скорее, чем сейчас, то вопрос относительно распространения стенографии должен стать перед нами, как первоочередный.

В связи с этим имеющаяся у нас многочисленную женскую группу машинисток мы всецело стремимся перевести на стенографические рельсы. Мы считаем, что наши машинистки не дадут того производственного эффекта, который они могли бы дать, если наряду со знанием машинки, они не научатся стенографировать. Таким образом, перед нами стоит вопрос относительно переквалификации массы машинисток, число которых достигает в СССР 100.000, в стенотипинок.

Все это сейчас уже делает стенографию в известном смысле массовой профессией. Что же касается качественной стороны этого дела, то должен сказать, что работник стенографии — это чрезвычайно тонкий прибор. В работе стенографа мы имеем моменты невозможности повторения пропущенного им мимолетного мгновения. Ценность стенографа заключается в том, что он может передать не только то, что сказал оратор, а то как он сказал, отдельные оттенки, нюансы, иногда вырвавшееся случайное слово, которое в будущем не может быть повторено не только стенографом, но и самим докладчиком. Ведь, все ораторы,

говорят, делятся на два типа: одни, которые думают до доклада, а другие, которые думают во время доклада. Я должен сказать, что большинство докладчиков относится ко второму типу. Часто бывает так, что если после доклада вы попросите докладчика повторить что-либо из сказанного, то он не сможет этого сделать. Таким образом, в лице стенографа мы имеем оригинальный профессиональный тип.

Этот момент в его работе является настолько важным, что работник стенографии причислен у нас к особо вредной профессии и пользуется дополнительным двухнедельным отпуском на вредность.

Ибо этот момент сознания самим стенографом, что он не может пропустить ни одного мгновения, держит его все время в напряженном состоянии. Вот почему мы должны сказать, что у стенографа чрезвычайно напряженно работает центральная нервная система. От стенографа в этом смысле требуется даже целый ряд задатков и природных способностей. К сожалению, у нас работники стенографии не обследованы с точки зрения психотехнической и с точки зрения профессиональной пригодности, но я думаю, что в порядке постоянных общений, разговоров, во время обследования, нам удастся выявить целый ряд чрезвычайно важных моментов.

На первом месте у стенографа стоит следующее: умение маневрировать темпом своей работы, т. е. умение ускорять и замедлять свой темп, приспособлявая его к темпу находящегося на трибуне оратора. В смысле психического темпа у нас все люди делятся на определенные типы. Есть хорошие работники, обладающие ровным темпом, они могут работать быстро или медленно, но они не могут ускорять или замедлять темп; в стенографы они не годятся. Умение ускорять темп своей работы, это несомненно одна из способностей хорошего стенографа. Затем у него должна быть память на слова и память на целые ассоциации. Здесь я должен подойти к характеристике основной работы стенографа. Работа стенографа делится на 2 основные части; первая часть — когда стенограф записывает то, что говорит оратор, и вторая часть, когда он расшифровывает то, что им было записано. Если мы в процессе нашей диспансеризации недостаточно внимания уделим второму моменту, т. е. расшифровке, то мы получим целый ряд провалов. Процесс расшифровки требует не меньшего напряжения от стенографа, и в этом случае

его центральная нервная система напрягается даже больше, чем в процессе самого стенографирования. Дело в том, что в процессе стенографирования стенограф далеко не всегда записывает только звуки или слова, но он большую часть записывает по смыслу, и когда ему приходится расшифровывать, он должен обязательно держать в голове смысл доклада и, таким образом, при расшифровке ему приходится чрезвычайно напряженно работать: он старается припомнить все то, что было им услышано, и претворить это в определенную гладкую логическую и стройную речь. Одновременно с расшифровкой стенограммы идет ее редактирование. Хороший стенограф должен быть по меньшей мере удовлетворительным редактором.

Надо вам указать, что все это делается в обстановке спеха. Вам, наверное, знакома обычная обстановка работы наших съездов. Эта обстановка чрезвычайно спешки, я это подчеркиваю, и стенограф, его режим труда в этом смысле строго дисциплинирован. Здесь мы имеем нечто вроде военного режима. Стенограф пишет 10 минут, затем его сменяет другой, а первый в течение последующих 30—40 минут расшифровывает свою стенограмму. Окончив расшифровку он снова идет записывать и т. д. и т. д. Таким образом, эти постоянные смены работ — стенографирование и расшифровка — чередуются между собой, и здесь мы имеем строго следующие друг за другом виды работ с небольшими паузами.

Если стенограф быстро расшифрует, то у него может получиться несколько минут отдыха, но может и не получиться, т. к. все зависит от трудности оратора, во-первых, и, во-вторых, от квалификации машинистки. Не нужно забывать, что расшифровка является обоюдным процессом стенографистки и машинистки. И иногда машинистка может быть профессиональной вредностью для стенографистки, т. е. если машинистка неквалифицированная, или если она заболела профессиональной болезнью, — ослаблением органов слуха (надо вам сказать, что машинистки на 50% с ослабленным слухом). Такая машинистка начинает переспрашивать стенографистку, это стенографистку нервирует и это нервирование рикошетом отдается машинистке. Отсюда и получаются постоянные конфликты между этими двумя в высшей степени родственными процессами. Я лично процесс расшифровки не считаю легальным отдыхом для стенографистки и поэтому вопрос отдыха

стоит в полном объеме перед нами, и этот вопрос должен быть разрешен. Правда, в стенографической работе мы имеем переключение рабочего аппарата от расшифровки к стенографированию: сначала стенограф записывает, при этом один аппарат пускается в ход, потом он расшифровывает, работает уже другой аппарат. Это переключение аппаратов является плюсом, потому что если бы стенограф писал все время, то это было бы для него несомненно тяжелее и отозвалось на нем очень дурно.

Говоря о центральной нервной системе мы должны иметь в виду возможность пауз в работе. Для постороннего наблюдателя они кажутся почти неуловимыми. Я говорю о паузах, которые бывают в то время, когда стенограф макает перо в чернильницу или меняет карандаш, лежащий рядом на столе. Над этими моментами нам следует задуматься, когда мы ставим себе вопрос, чем лучше стенографу писать: так называемым вечным пером, обыкновенным пером или карандашом. На основании собственного опыта я должен вам сказать, что мнению самих обследуемых, по всем этим вопросам я придаю большое значение, так как сам работник является великолепным анализатором различных тонкостей своей работы.

Итак, вопрос о центральной нервной системе при обследовании стенографов является основным вопросом.

Несомненно поэтому, что одним из главных работников в области диспансеризации этой группы должен быть врач невропатолог, и от него мы ждем многого.

Второй рабочий орган, на который нам нужно обратить внимание, это рука. Рука стенографа работает при помощи очень ограниченного количества мышц. Основная группа мышц при писании не затрагивается. И то, что утомление этой небольшой группы не может быть переключено на другую группу, делает вопрос чрезвычайно острым. На языке стенографисток есть выражение «переписанные руки», так вот эти-то «переписанные руки» и являются результатом того, что строго ограниченная группа мышц подвергается очень сильному напряжению. В это общее название «переписанные руки» вкладывается целый клинический комплекс, который должен быть как-то дифференцирован.

Я считаю, что наш сегодняшний доклад не должен носить характера раскрытия всех вредностей. Я думаю, что мы их и не знаем, а поэтому и поступаем иногда не так, как следовало бы. Мы должны рас-

сматривать этот доклад, как постановку вопроса, на который мы ждем от диспансеризации ответа.

Я попытаюсь указать на один момент заболевания руки стенографа.

На трибуне «жорый» оратор. Первая же быстро брошенная им фраза вызывает мгновенно ответную реакцию со стороны стенографа в виде максимального напряжения его психического темпа, слух начинает быстрее ловить звуки, рука начинает быстрее дзигаться, и работник весь как то внутренне подтягивается, напрягается. По закону «сочувственных движений» это состояние напряженности (*defense musculair*) передается мелким мышцам кисти, фиксирующим карандаш или перо стенографа. Вот это напряжение — чрезвычайно вредная и опасная вещь ибо если стенограф карандаш или ручку не будет держать свободно, эта группа мышц чрезвычайно быстро утомится, здесь мы имеем статическую работу сокращенной мышцы, которая утомляет больше, чем любая динамическая работа.

И вот стенограф при работе пускает в ход весь свой волевой аппарат. Он сознательно старается себя внутренне успокоить, так сказать, взять в руки свою руку, и ему это удается. Приблизительно через некоторое количество минут он начинает писать спокойнее, без напряжения и дергания в руке. Таким образом, вы видите, что само держание карандаша в руке не такой простой процесс, он требует известного приспособления. Надо думать, что профессиональная тренировка облегчает все это. У начинающих стенографов это выражено ярче, у работников, которые ко всему привыкли, все это проходит легче, но все-таки этот момент следует учитывать.

Мне недавно говорила стенографистка покойного Фрунзе, что бывало так, что по телефону он ей начинал диктовать и эта диктовка продолжалась 10—20—30 минут. Диктующий совершенно забывал, что перед ним стенографистка и что у нее смены нет. Вот такие моменты у стенографистки бывают довольно часто. Бывает, что стенограф пишет по несколько часов под ряд. Здесь мы подходим к вопросу перегрузки. Эта перегрузка для руки должна быть как-то дифференцирована. Нужно иметь в виду, во-первых, перегрузку чисто весовую, если, например, очень толстый карандаш или тяжелая ручка.

Другой вид перегрузки — продолжительное писание. При перегрузке я очень часто

наблюдал мышечное заболевание, при чем эти заболевания бывают не только во время работы. Эти боли иногда, как будто, походят на какие-то ревматические, артрические боли. С другой стороны, мы имеем у стенографов (это описано во всех учебниках у нас), явление «писчего спазма». В первой ранней форме он выражается именно в дрожании руки. Это так называемая дрожательная форма. Я должен сказать, что это небольшое дрожание руки, которое при обычной работе не имеет большого значения, — здесь, когда каждое дви-

жение, каждый волосок в букве играет роль — здесь оно может сделать стенографа не работоспособным, ибо дрожащая рука даст такую запись, которую стенограф не способен будет потом расшифровать. Легкое изменение в записи, несомненно, может повлиять на расшифровку, или по крайней мере на ее легкость. Вопрос относительно писчего спазма должен быть нами специально акцентирован. Он должен дать нам данные для разрешения вопроса о клинике руки стенографа.

(Окончание следует).

Т. ТАНКОВА

О влиянии машинки на стенографирование

(В порядке обсуждения).

Может ли съездовой стенограф без ущерба для своей стенографической съездовой работы работать на пишущей машинке.

Я лично для себя этот вопрос считаю разрешенным в отрицательном смысле. После окончания курсов в конце 1924 года я работала на съездах, при чем совершенно не была знакома с машинкой. Через полгода я вместе с моей подружкой поступила в одно учреждение в качестве стенографистки-машинистки, причем ни я, ни она, машинки не знали и уже на службе выучились печатать. 2½ года мы вдвоем работали в этом учреждении и затем, поскольку стенографистки в этом городе было очень мало, работали на всех съездах, которые только происходили.

Вначале я не чувствовала особого вреда машинки, потому что никогда не приходилось переутомляться, — или мы работали вдвоем с подружкой, по очереди диктуя друг другу, или диктуя машинисткам, — но потом, когда я осталась одна на работе, — я заметила, что у меня стали появляться какие-то сильные боли в правой руке. Причина болей мне не была понятна.

Еще через ½ года я уехала в другой областной город, где стала работать исключительно на съездах и все мои боли, как рукой сняло. Сейчас я снова поступила на постоянную работу и уже с уверенностью могу сказать, что машинка очень вредно отражается на скорости при стенографировании, на четкости почерка и на утомляемости руки.

По-моему, само по себе стенографирование в редких случаях влияет на руку в том отношении, что ее можно «сорвать» (это может

быть только с начинающими стенографами), но при совмещении машинки и стенографирования результаты получаются плохие. Особенно плохо действует на руку печатание в 12 экземплярах, когда приходится сильно ударять. После работы в течение 6 часов на машинке начинаешь бояться как бы «не сорвать руку», чувствуешь такую боль и тяжесть в руке, что начинаешь думать — а не пора ли бросить стенографию.

Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что не стоит съездовой стенографистке, обладающей большой скоростью, быть стенографисткой-машинисткой. Писать на машине должен стенограф, имеющий квалификацию в 75—90 слов, стенограф-протоколист, не записывающий «дословно» в самом широком смысле этого слова речь оратора.

Всякая работа дает известные навыки и привычки (можно привести, в качестве подходящего примера игру на музыкальных инструментах: на скрипке, рояли, мандолине и т. д., где требуется специфическая техника для каждого инструмента, при чем хороший скрипач не бывает хорошим пианистом и наоборот).

Работа на машинке требует известной затраты физической силы, рука привыкает к грубым, сильным ударам и поэтому при стенографировании не будет четкого «узорного» письма, останутся размашистые, легко деформирующиеся движения и уменьшится скорость.

Мне хотелось бы, чтобы стенографы откликнулись на мой вопрос и поделились бы своим мнением и опытом в этом отношении.

ПРАКТИКА

З. РОДИОНОВА

Протокол—путь к внедрению стенографии

Строго ограниченный бюджет наших учреждений в настоящее время влияет на то, что потребность в съездовых стенографах сократилась до минимума и это обстоятельство вызывает необходимость у стенографов найти выход из создавшегося положения. Выход этот, как мы знаем, найден, надо только шире пробивать ему дорогу, а именно: необходимо стенографам стать полезными канцработниками, необходимо переподготовиться в стенографов-секретарей, стенографов-машинистов и т. д.

Но вполне понятно, что учреждение, беря того или иного канцелярского работника на постоянную работу и платя ему за знание стенографии больший оклад, чем такому же канцработнику без знания стенографии, заинтересовано в том, чтобы использовать знания этого работника, как можно больше. В связи с этим, требования, которые предъявлялись, например, к стенографистке-машинистке, в настоящее время несколько расширились. Раньше от стенографистки-машинистки требовалось только запись писем, инструкций и циркуляров под диктовку и перепечатывание их на машинке. Спрос на таких работников, благодаря недостаточному умению использовать их труд, очень незначительный.

К диктовкам прибегают лишь те работники наших учреждений, у которых имеется хорошая практика в этом отношении или просто умение достаточно ясно и точно выражать свои мысли, и только тогда это имеет смысл, так как действительно сберегает время данного работника.

В связи с этим теперь требования на стенографистки-машинистки сменились требованиями на стенографов-секретарей или, вернее говоря, требуется объединение профессий машинистки-секретаря и стенографа — в одной профессии. В таких случаях стенограф используется для ведения стенографических протоколов заседаний, совещаний и различных собраний данного учреждения, с перепечатыванием таковых на пишмашинке. Вот здесь-то стенографический протокол и должен сыграть большую роль.

Практика показала, что протоколы заседаний и собраний являются действительно интересным и ценным материалом только тогда, когда они ведутся опытными и грамотными протоколистами, умеющими правильно отразить в протоколе смысл и характер выступлений и замечаний ораторов собрания, а не ограничиваются только набором общеупотребительных слов и выражений, подчас не дающих точного представления о характере обсуждения вопроса.

Учреждение, имея у себя одного или 2 канцработников со знанием стенографии, имеют возможность, используя их для текущей общей канцработы учреждения, в нужный момент использовать и как стенографа для протоколирования заседаний.

Стенограф должен вести такой протокол, который, безусловно, в силу физических возможностей, не может быть полной стенограммой 4—6-часового заседания, но должен быть лучше, чем рядовой протокол, т. е. дать стенографический протокол. Лучшему выполнению этого задания должны способствовать: 1) квалификация — более квалифицированный стенограф лучше справится с этой задачей, так как он, не чувствуя себя связанным с механическим выполнением работы, сможет все внимание уделить смыслу обсуждаемого вопроса; 2) знакомство стенографа с той отраслью, о которой идет речь на совещании, что легко выполнимо тому работнику, который работает в данном учреждении; 3) предварительное согласование с руководителями учреждения, чье выступление или доклад является для них наиболее нужным и важным; председательствующий в таких случаях устраивает, если возможно, перерыв, что дает возможность стенографу отдохнуть и нужное выступление не протоколировать, а застенографировать, (стенографирует только доклад, а прения протоколирует, или наоборот — доклад получает письменный, а прения частично стенографирует, а менее существенные — протоколирует и т. д., и т. п., словом, имеется масса вариантов, в зависимости от требований работодателя по данному во-

просу и индивидуальности самого стенографа).

В отношении самого процесса протоколирования основная задача по-моему, которую должен поставить себе стенограф-протоколист, — это, по возможности, большее сохранение колорита речи данного оратора и в то же время редактирование речи. Прежде всего, в протоколе нужно установить последовательность изложения; когда, например, в прениях оратор перескакивает с одного предмета на другой, затем снова возвращается к первому и вновь перескакивает на второй, нужно объединить при протоколировании замечания этого оратора по первому вопросу вместе, по второму также вместе, благодаря чему легче и скорее усваиваются мысли оратора при чтении. При этой перегруппировке выбрасывается много лишних, ничего не говорящих слов, хотя опять-таки надо стараться по возможности сохранить в остающемся материале оборот речи, слова и выражения данного оратора; в некоторых случаях, когда это имеет значение, что всегда учит стенограф, так как это влияет на дальнейшее поведение оратора, — надо отмечать настроение аудитории, как-то дельные замечания и реплики с мест.

Таким образом, работодатель будет иметь стенографический протокол, в котором наиболее важные для него выступления будут застенографированы, а из всего прочего

оудет представлено самое основное и существенное. Только при соблюдении этих условий, я считаю, что стенографический протокол будет иметь определенный перевес перед рядовым протоколом и всегда будет говорить в свою пользу.

Эта задача может быть выполнена только одним стенографом, или, если пишут 2 и больше, то при том условии, что все стенографы от начала до конца будут присутствовать на этом совещании, т. е. работать с последующей расшифровкой. Присутствуя не на всем совещании, с перерывами, стенограф может при протоколировании придать не совсем правильный смысл, например, «защите», не слыша «нападения», в первом же случае, стенограф легко сможет ориентироваться в том, что является более важным, что менее важным, что требует стенографирования, что протоколирования и в какой степени.

Слов нет, что вести стенографический протокол — далеко не легко и, пожалуй, труднее, чем просто стенографировать, так как здесь требуется не только механическая успеваемость за речью оратора, а и осмысленное понимание ее.

Задача наших курсов учесть это и заняться подготовкой таких работников. Этим мы будем способствовать внедрению стенографии в совещательный аппарат, и в тоже время лучше обеспечим наших стенографов.

Таганрог.

А. ХОЛОДНАЯ

Побольше ответственности

(В порядке обсуждения).

Сейчас, когда по всем отраслям работы во всю ширь ставится вопрос об индивидуальной ответственности, его особо нужно подчеркнуть в отношении стенографии. Практика работы показала, что именно на этой почве создаются нездоровые взаимоотношения среди стенографов. В случае какого-либо недоразумения, не найдешь виновника, отвечают — все и никто. Я хочу сказать о необходимости подписывания «смен». Многие считают, что это не по товарищески подписывать свою фамилию и тем самым, как бы выпячивать себя и качество своей стенограммы. Пора отбросить этот ребяческий подход к делу. Мы все толкуем о том,

что требования работодателей несравненно повысились и таким образом, работа съездовых стенографов становится все более и более ответственной. Нельзя сейчас применять старые методы «круговой поруки» и «филантропничать», мол, «все за одного» и т. д. От этого качество стенопродукции не повысится. Раз предъявляют большие требования к стенограмме, то нужны меры и для повышения чувства ответственности стенографов за работу, и лучшей из них явится подпись «смен».

Каково мнение других?

г. Луганск.

Условия конкурса на лучших стенографов СССР

1) Всесоюзный конкурс на лучших стенографов ставит две цели:

- поднятие квалификации стенографов и
- привлечение общественного внимания к стенографии и к ее применению в совещательном аппарате.

2) В этих целях в городах, где имеются комитеты или уполномоченные стенографов, устраиваются два вида конкурса, последовательно один за другим, через краткий промежуток времени одна-две недели:

- на лучшего съездового стенографа и
- на лучшую стенотипистку (стенографистку-машинистку).

Примечание: Устройство конкурса того или иного вида или обоих зависит от наличия стенографов этих категорий в городе.

3) Оба вида конкурса должны пройти в период с 1 октября по 1 ноября с. г., при чем точная окончательная дата конкурса устанавливается местным жюри, по согласованию с центральным жюри.

4) Для проведения конкурса, на местах создаются местные жюри в составе: одного представителя отдела союза, двух представителей комитета стенографов (одного педагога), одного представителя профобра (ОНО), одного представителя органа РКК.

5) Местные жюри подготавливают и проводят конкурс, проверяют работы и со своим заключением направляют все материалы на окончательное заключение центрального жюри.

6) Центральное жюри организуется в Москве, в составе: одного представителя ЦК союза, одного представителя Редакции журнала «Вопросы Стенографии и Машинописи», одного представителя Редакции «Нашей Газеты», одного представителя НКРКИ, одного представителя Главпрофобра РСФСР.

7) Центральное жюри руководит всеми местными конкурсами, посылает на места тексты для конкурса, просматривает все конкурсные материалы мест, отбирает лучших стенографов, как городов, так и СССР и распределяет премии.

8) Лучшие съездовые стенографы СССР получают две премии: 200 руб. и 100 руб. Лучшие стенотипистки СССР получают две премии: 100 руб. и 75 руб. Лучшие стенографы мест будут премированы: бесплатной высылкой журнала «В. С. и М.» в течение года, стенографической библиотечкой и почетными отзывами.

А) КОНКУРС НА СЪЕЗДОВОГО СТЕНОГРАФА.

1) Лучший съездовый стенограф должен обладать:

- максимальной скоростью стенографирования,
- наибольшей точностью расшифровки и
- умением редактировать.

2) Для выявления этих качеств участникам конкурса будут продиктованы отрывки на скорость в 110 слов (300 слогов), 120 слов (330 слог.) 130 слов (357 слогов) и 140 слов (385 слогов) в минуту, — на каждую скорость по три отрывка, продолжительностью по три минуты каждый: 1 отрывок на политическую тему, 2 на техническо-производственную тему и 3 — отрывок негладкой речи, требующей редактирования.

3) На скорость в 110 слов допускается не больше 22 ошибок на каждый отрывок, на скорость в 120 слов — не больше 24, на 130 — не больше 26 и на 140 — не больше 28. Ошибки определяются в соответствии с инструкцией Главпрофобра РСФСР по установлению квалификации стенографа (см. «Еженедельник Наркомпроса РСФСР № 33 ст. 14 от 20/VIII—26 г.).

4) Третий отрывок будет рассматриваться и оцениваться не по количеству ошибок, а с точки зрения умения редактировать, т. е. сглаживать шероховатости негладкой речи, устраняя очевидные ошибки, обмолвки, повторения, но пользуясь при этом лишь словесным материалом данного текста.

5) Каждому участнику конкурса предоставляется право выбрать скорость на которую он хочет конкурировать, но это не лишает его права участвовать в конкурсе и на другие скорости, при чем он может представлять расшифровки текстов на одну или несколько скоростей по своему желанию.

6) При оценке работ стенографа, представившего работы на несколько скоростей, если его работы на какую-либо скорость признаются наилучшими, — представленные им работы на меньшую скорость не подлежат оценке.

7) Расшифровка текстов допускается, как от руки, так и на пишущей машинке; но обязательно в присутствии жюри, при чем жюри помечает время начала расшифровки и подачи расшифрованной стенограммы, для определения длительности расшифровки.

Б) КОНКУРС НА СТЕНОТИПИСТКУ.

8) Лучшая стенотипистка должна обладать:

- а) скоростью стенографирования в 90 слов (250 слогов),
- б) максимальной точностью расшифровки,
- в) максимальной скоростью расшифровки и
- г) максимальной скоростью письма на пишущей машинке.

9) Для выявления этих качеств участникам конкурса будет продиктовано два отрывка на темы:

- а) административного,
- б) технико-производственного продолжительностью 3 минуты каждый.

Кроме того, будет дан специальный отрывок для переписки его на машинке в течение 5 минут.

10) На скорость в 90 слов допускается не больше 9 ошибок в каждом отрывке. Последний текст (списывание) будет оцениваться с точки зрения количества ударов написанного в минуту, при чем за каждую допущенную опisku или ошибку будет сбрасываться 10 ударов.

11) В конкурсе на лучшую стенотипистку могут принимать участие лишь стенографы, еще не сдавшие экзамена на 110 слов.

12) Каждый участник конкурса (обоих видов) должен представить жюри не только расшифровку текстов на ту скорость, на которую он конкурирует, но и стенограмму своей записи.

13) Каждый участник конкурса должен, кроме того, дать стенограмму первого продиктованного ему текста, переписанную после конкурса в спокойном состоянии, для выяснения степени деформации письма.

14) Каждый участник конкурса перед конкурсом заполняет анкету, разработанную центральным жюри.

15) Все работы подаются под девизами.

ТЕОРИЯ

В. ДАНИЕЛЬ-БЕК

Почему не закончена работа?

Нельзя делать большую ответственную и серьезную работу и при этом не иметь перед собой явного и точного представления о том, что должно получиться в результате работы, какой итог будет подведен этой работе.

И вот когда в процессе оценки представленных проектов комиссия по выработке унитарной системы столкнулась с целым рядом герминов и выражений, толкуемых и понимаемых в среде самой комиссии различно и часто совершенно диаметрально-противоположную, когда к основным моментам той или иной системы не было выявлено объективного отношения, когда комиссия не могла сказать определенно и твердо, что слуховой или корневой принцип построения системы плох или хорош, — то естественно, что значительная часть комиссии поставила, перед собой вопрос, какова ценность той работы, которую мы проделывали в последний этап ее деятельности. Перед нами стояла задача к 1 апреля, затем к 15 мая, далее к 1 июня и потом к 1 июля дать унитарную систему. Но, и заседая через день, комиссия в этот момент только заканчивала оценку отдельных систем перед ней стояла еще большая работа по сопоставлению полученных аттестаций... а у большинства комиссии уже сложилось мнение, что ни один из проектов в существующем виде не может быть принят, как унитарная система.

Мы представляем себе дело так, что унитарная система, объявленная как что-то вполне определенное, устраняющее «вавилонское столпотворение» в стенографии, должна быть в состоянии выдержать очень и очень строгий экзамен. Мы не могли отнестись к этому, как к простому объявлению чего-то в качестве унитарной системы, с тем, что ее заведомые недостатки потом можно будет в процессе применения этой системы как-то исправлять. Здесь в самой возможности такого подхода лежит уже опорочивание идеи унитарной системы.

Мы сочли еще совершенно нереальным предположение, что в короткое время можно

обеспечить внедрение унитарной системы при неимении достаточно подготовленного кадра педагогов.

Большим минусом всей работы комиссии по выработке унитарной системы мы считали и отсутствие всякого эксперимента. Ни одно положение, которое выдвигалось в комиссии, не подкреплялось экспериментальными данными. Фигурировали ссылки на педагогическую практику, но при этом упускался из виду состав слушателей, различные приемы и методы преподавания, неопределенность сроков проведенного обучения и т. д. Это также приходилось отметить и в оценке представленных в комиссию проектов это включено не было. Трудно было опереться на какие-либо объективные данные, не являющиеся просто мнением того или другого члена комиссии.

Самые термины, употребляющиеся в стенографии, получили свое определение лишь в последние моменты работы комиссии. И с моей точки зрения, о чем я буду говорить отдельно, есть ряд дефектов и в этой части работы комиссии.

Все сказанное поставило перед рядом членов унитарной комиссии вопрос о необходимости самого строгого пересмотра нашего метода работы, о необходимости подойти более научно, более обоснованно, ввести обязательную экспериментальную проверку всей нашей работы. Естественно, что это повлекло за собой и совершенно иной подход к установлению срока введения унитарной системы.

Мы считали кроме того, что работа унитарной комиссии не была достаточно освещена в стенографической прессе — журнале «Вопросы Стенографии» и — совершенно не получила никакого освещения в общей прессе. По нашему мнению, работа такого широкого общественного значения и государственного масштаба должна быть освещена совершенно иначе, чем это было до сих пор.

И, выдвигая ряд положений для дальнейшей нашей работы по скорейшему созданию унитарной системы — мы, большинство

комиссии по выработке унитарной системы, — прежде всего отвергли всякую торопливость, которая, как мы полагаем, вовсе не является залогом быстрого проведения работы. Кроме того вся работа комиссии должна встать под общественный контроль, должна сама базироваться на проверенных данных и всякое свое положение, всякий

свой шаг проверять на практике, так как только при этих условиях мы сможем быстрее и с полным сознанием и пониманием поставленной перед нами задачи ее разрешить — создать единую русскую стенографическую систему.

В. ЛОБОДА

Перспективы унитарной системы

В своей статье «На последнем этапе к унитарной» (см. № 7 журнала за июль 1927 г.) мы высказали надежду на то, что осенью 1927 г. будет завершен 3-й период деятельности комиссии по созданию унитарной стенографической системы. Мы полагали, что осенью комиссия закончит работу по оценке всех проектов, поступивших на ее рассмотрение, и весь материал с ее выводами и итогами будет сдан наместной НКПросом особой комиссии для окончательного решения об унитарной.

Если бы ни одна из систем в представленном виде не была признана унитарной, очевидно, комиссия НКПроса встала бы перед необходимостью либо дать задание в определенном ею направлении доработать одну из систем путем более или менее решительного развития в ней применяемых ею приемов или приемов другой системы (быть может, даже нескольких систем) и устранения отмеченных унитарной комиссией дефектов, либо (что как будто менее вероятно) дать задание выработать новую систему, положив в основу ее одну или две-три существующие системы.

Встал бы вопрос о том, кому поручить выполнение задания, — доработку данной системы или выработку новой. В первом случае (доработка системы) с задачей справился бы автор отобранной системы; полезно было бы для консултации в процессе работы привлечь лицо или лиц, хорошо знакомых с применением на практике приемов, которые поручено использовать при отшлифовке системы. На наш взгляд, наиболее работоспособным оказалось бы рабочее ядро с наиболее узким составом. Во втором случае (выработка системы) дело осложнилось бы, так как опыт двух с лишним лет позволяет сомневаться в наличии у приверженцев различных систем, особенно — авторов их, такого

рода объективности, чтобы они решились отказаться от попытки во что бы то ни стало настоять на проведении приемов их систем. Да разве не естественно, что автор системы вслестически отстаивает приемы, которые ему кажутся наиболее оправданными? Это так же понятно, как и то, что благодаря этому в рабочем ядре могли бы продолжаться бесконечные споры с ничем не подкрепленными ссылками на научность своих доводов, недостаточную научность оппонента, споры, никого из противников не убеждающие и не позволяющие прийти к какому-нибудь соглашению. Уступка же в одном случае с целью получить право на уступку противника в другом — такой метод привел бы к соглашению на поистине эклектической системе с наихудшими признаками эклектизма. Во всяком случае работа была бы поставлена в рамки строгого, достаточного, при условии интенсивной работы, срока и контролировалась бы НКПросовской комиссией; при обнаружении разногласий она сказала бы и последнее слово.

Описанный путь представлялся нам наиболее коротким для установления унитарной системы. Определившийся объем предстоящей работы, ее характер и взятый в работе темп давали полное основание для предположений о сроках существования комиссии по созданию унитарной.

И, однако, наши надежды не оправдались. Унитарной системы стенография до сих пор нет. Не помогло и продление сроков работ до 1 июля с. г.

Не лишним будет остановиться на причинах, опрокинувших наши предположения, с тем, чтобы выяснить, какие же перспективы у нас имеются сейчас. Причинами, благодаря которым работа комиссии к осени не закончилась, мы считаем:

Поступление проектов в большем количестве, чем первоначально предполагалось,

что объясняется продлением сроков их представления.

Изменение в составе комиссии, при чем в ее непосредственной работе приняли близкое участие некоторые новые члены, что неизбежно должно было сказаться на темпе работы в сторону его замедления, так как должны были проявиться «новые веяния», иногда приходилось возвращаться к разрешению уже решенных вопросов. Так, например, возникают упреки по адресу комиссии в том, что она работает без строгого задания относительно скорости, на которую должна быть рассчитана унитарная, тогда как вполне четкое задание поставила себе комиссия в прежнем более широком составе и это задание подтверждено НКПросом. Тоже самое и в отношении принципов построения систем, которые намечены еще 2 с лишним года тому назад и в основном себя оправдали (в том числе и вопрос о слуховом и корневом принципе, дважды поднимавшийся в комиссии различных составов и тем не менее разрешенный почти одинаково).

Необходимость членам комиссии зачастую без всякого содействия автора данной системы (порой при полном его противодействии) производить кропотливое ознакомление с системой, особенно с отрицательными сторонами ее. Любопытно, что (изредка, правда), уходило немало времени на выяснение, преподается ли предлагаемая разработка системы. Допустимо предположить, что подобные вопросы должны были без ошибок разрешаться положительно в несколько секунд на основании достоверного утверждения самого автора системы, прекрасно знающего, что именно он преподает.

Отвлечение комиссии от выполнения принятых ею на себя прямых обязанностей по рассмотрению проектов в сторону разрешения вопросов о своевременности самой работы (доросли мы или нет?), о достаточной компетентности комиссии, о конечных судьбах отдельных систем.

Если все причины, кроме последней, должны были привести к известному, несколькими месяцами измеряемому, отдалению срока окончания работ комиссии, то последняя причина, на наш взгляд, не только тормозила работу, но постоянно грозила отказом части комиссии продолжать работу. Она рельефно выштылилась в самом конце работы, когда комиссия должна была подвести итоги своей работе.

Уделяя в заключительной характеристике каждой системы преимущественное внима-

ние отрицательным чертам проекта, комиссия подавляющим большинством голосов систематически отвергла право у ряда систем на звание унитарной. Если бы работа комиссии продолжалась нормальным для нее порядком, к концу июня 1928 г. у нас были бы уже резолюции по всем без исключения проектам.

Но близящийся приговор над рядом систем вызвал в комиссии проявление некоторой нерешительности. Стало очевидным, что комиссия сама ничего не отберет для унитарной. Результат работы перешел бы в «чужие» руки, при чем была утрачена надежда оказать влияние в каком-нибудь направлении на решение комиссии Наркомпроса, так как ей предстояло не утверждать мнение комиссии по созданию унитарной (которая предпочла огульно отклонить все проекты), а разобраться вполне самостоятельно в представленных ей материалах и пойти по одному из указанных нами выше путей.

Вот тут-то с особой остротой и был поставлен большинством комиссии вопрос о недостаточной компетенции выводов самой комиссии по созданию унитарной, в которой «фактически работали авторы систем», в течение двух лет и нескольких месяцев якобы стесняемые «ничем не оправдываемой срочностью» и не располагающие данными научной экспериментальной проверки своих утверждений. Насыщенная авторами различных систем, взаимно отрицающих друг друга, комиссия высказывает уверенность в возможности создания унитарной путем коллективной работы части членов комиссии и опасения по тому поводу, что в решающую комиссию Наркомпроса не входит ни один теоретик стенограф, ни один автор системы. Таково мнение большинства.

Нам целиком понятно стремление опереться в своих выводах на самые последние достижения точной науки, подвергнуть длительному (чем более длительному, тем лучше) экспериментальному исследованию психотехнического характера каждую деталь каждого стенографического знака каждой системы. Мы прекрасно сознаем, что наша наука не обращала серьезного внимания на достижения стенографии, развивавшейся ощутимо в стороне от нее. Мы не сомневаемся в том, что через несколько десятков, не говоря уже сотен, лет наука сможет в несравненно большей степени ответить на многие наши сомнения, сможет разрешить многие наши споры. Но мы никак не

в состоянии согласиться с тем, что в ожидании дальнейших несомненных завоеваний вечно развивающейся науки и приложения их к стенографии следует пребывать в постоянной нерешительности, оставляя в стране стенографический хаос, несмотря на то, что несколько систем в настоящее время могут быть признаны по результатам равноценными (конечно, с каким-то приближением, не поддающимся пока точному измерению). Мы думаем, что требования развивающейся науки постоянно учитывались бы созданной унитарной системой.

Не согласны мы также с тем, что в комиссию Наркомпроса целесообразно включить с правом решающего голоса хотя бы одного автора системы, хотя бы одного теоретика стенографа. Если их роль не сведется к отстаиванию своих собственных взглядов, независимо от решений комиссии по созданию унитарной (что было бы очень вредно); для чего они там нужны? Для объективного освещения решений комиссии? Но, ведь, можно дать объективное изложение, не располагая решающим голосом.

Мы не сомневаемся также в том, что комиссия Наркомпроса, которая должна приступить к работе сейчас же после вынесения резолюций о всех проектах, при внимательном подборе ее членов, окажется достаточно компетентной (иметь вполне верное суждение о подробно доложенных системах может, конечно, и не специалист стенограф, точно так же, как и специалист стенограф может быть вполне компетентен не только в вопросах стенографии).

Совершенно несерьезным является довод о невозможности быстрого внедрения унитарной системы, ввиду «неимения достаточно подготовленного кадра педагогов». Конечно, для подготовки педагогов Наркомпрос нашел бы время и средства, — была бы унитарная, — тогда как сейчас и в ближайшие годы мы не имеем возможности говорить или переподготавливать педагогов (по каким системам прикажете это делать?), — осуждены на ежечастное дискредитирование стенографии благодаря тому, что за это дело берутся все, кому

не лень, преподают все, что угодно, под маркой стенографии.

Совершенно несерьезным является довод о невозможности быстрого внедрения унитарной системы, ввиду «неимения достаточно подготовленного кадра педагогов». Конечно, для подготовки педагогов Наркомпрос нашел бы время и средства, — была бы унитарная, — тогда как сейчас и в ближайшие годы мы не имеем возможности готовить или переподготавливать педагогов (по каким системам прикажете это делать?), — осуждены на ежечастное дискредитирование стенографии благодаря тому, что за это дело берутся все, кому не лень, и преподают все, что угодно, под маркой стенографии.

Вот, примерно, линия, по которой раскалывается состав комиссии на большинство и меньшинство.

Последнее заседание комиссии пришлось посвятить наведению моста между противоположными частями ее. Соглашение было достигнуто на следующих основах: комиссия заканчивает свою работу (вынесение резолюций по проектам) в промежуток времени с 15 августа по 15 сентября с. г.; состав комиссии пополняется представителем Цекпроса; при голосовании отдельно учитываются голоса авторов систем; в 1928/29 уч. году в особых опытных группах при одном из стенографических учебных заведений вводится преподавание лучших из рассмотренных проектов с целью проверки их на практике; одновременно группой специалистов ведется работа по коллективному созданию новой системы; в 1929/30 уч. году производится практическое сопоставление одного из отобранных в результате проверки проектов с новой системой, если она будет создана; 1930/31 уч. году вводится преподавание унитарной системы.

Итак — направление работ комиссии можно считать абсолютно правильным, несколько изменяется лишь порядок введения системы после окончания деятельности этой комиссии.

Остается пожелать, чтобы время до 1930/31 уч. года протекало с действительной пользой для качества унитарной.

ОРГАНИЗАЦИЯ МАШИНОПИСИ

Д-р А. БРУЖЕС

Рабочее место машинистки и ее посадка

Рабочий день машинистки — это не только шесть часов работы: это еще и шесть часов сиденья в одной почти неизменяемой позе. Сиденье в тисках. Тиски невидимы, но к концу рабочего дня до боли ощутительны. Дело в том, что сущность работы — «игра» на клавиатуре выполняется на весьма ограниченном пространстве и требует определенного положения рук, к которому поневоле принаравливаются и остальные части тела. Многочасовое однообразие работы и ведет за собой многочасовое скованное положение за работой.

Это приводит к ряду последствий. В-первых: тело настойчиво требует перемены положения, а так как изменить положение его существенным образом во время работы нельзя из-за того, что работа, как мы уже сказали, может выполняться только в одном положении, то эти разминки вызывают прекращение работы. Хронометраж показывает, что из рабочего дня на такие разминки уходит в среднем до получаса.

Во-вторых: несмотря на разминки, машинистка уходит домой с сильным чувством физической усталости и разбитости и даже с болями в таких областях (спина, грудь, ноги), которые явно не имеют отношения к работе рук на клавиатуре.

В-третьих: с течением времени развиваются болезни, связь которых с однообразным и неправильным положением при работе установлена уже давно: искривления спины, слабость легких, хроническое расстройство пищеварения и многое другое.

Итак — непроизводительная утечка времени, сил и здоровья. Чтобы устранить эту утечку — надо дать машинистке правильную, экономную посадку, надо снабдить ее такой мебелью, которая обеспечит бы правильность посадки. Этот вопрос не нов, существует довольно много моделей специальных столов и стульев, имеющих

целью сделать посадку машинистки более удобной. Однако, самое обилие моделей показывает, что вопрос этот не так просто разрешается.

Чтобы подойти к его разрешению, надо прежде всего определить, какая же посадка является правильной.

Однако, и на этот вопрос можно ответить только руководясь определенными принципами. Значит, надо сначала установить те принципы, на которых мы должны строить рациональное положение за работой. Принципы эти формулируются ясно и просто, и их всего два.

Первый принцип: размеры и расположение деталей рабочего места должны автоматически исключать движения и напряжения органов, участие которых не является необходимым для выполнения сущности работы.

Поясним этот принцип примером. Располагая оригинал на столе, машинистка то и дело наклоняется по направлению к нему для прочтения «очередной порции» и вновь выпрямляется, чтобы эту «порцию» отстучать; эти постоянные качания корпуса несколько не связаны с сущностью работы, а вызываются лишь тем, что оригинал, лежащий на столе, находится сбоку и вне границ нормального зрения (30—40 см.); поместив оригинал над машинкой на расстоянии нормального зрения, мы устраним лишнюю работу мышц туловища, которые, очевидно, к сущности работы на машинке никакого отношения не имеют.

Второй принцип: движения и напряжения органов, необходимых для выполнения работы, должны происходить наиболее естественным образом. Этот принцип звучит проще и

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

понятнее первого, но проводить его труднее. Дело в том, что «лишние движения» (устраняемые в соответствии с первым принципом) нередко вскрываются просто при внимательном наблюдении, тогда как установить естественную форму движения (т. е. такую, которая была бы в согласии с устройством наших двигательных органов) можно в большинстве случаев только путем детального изучения этих движений и точных опытов с разными вариантами их.

Итак, установим сущность работы на машинке и попытаемся построить такое рабочее место, которое автоматически устраняло бы необходимость в лишних движениях и напряжениях и в то же время гарантировало бы нам естественность необходимых движений и напряжений.

Основная и неотъемлемая сущность работы на машинке есть удар пальцем по клавише. Оригинал может и не быть, как напр., при диктовке; может не быть и работы на заправку и выемку бумаги, как напр., в формулярных машинках, где сразу и надолго заправляются рулоны бумаги и копирок, — но работа на клавиатуре остается. Кроме того, по занимаемому времени, по количеству затрачиваемой энергии, по требуемой квалификации, эта работа имеет основное значение, и она именно и должна быть обставлена наилучшим образом. Ряд исследований, изложение которых нас завело бы очень далеко, показал, что наиболее естественным является ненапряженное сводобразное положение кисти и пальцев. (Рис. 2). Только при этом положении возможно равномерное

распределение работы на всю кисть и выполнение мягкого, эластичного и неутомительного удара. При всякой же другой постановке руки работа будет ложиться либо преимущественно на пальцы, либо преимущественно на кисть. Возлагать всю работу на пальцы нельзя, потому что сопротивление клавиатуры любой машинки (кроме электрической) настолько велико, что сила пальцев быстро истощается; возлагать же всю работу на кисть тоже нельзя, потому что она не в состоянии долго выдерживать требуемый темп ударов. Следовательно, только при сочетании скорости и ловкости пальцев и силы (а также тяжести) кисти возможна быстрая, естественная и безвредная работа; сочетание же это достигается, как мы уже сказали, при определенной постановке руки.

Кисти, однако, приходится еще совершать боковые движения. Наиболее естественно выполняются они при небольшом сгибании в лучезапястном суставе (суставе между кистью и предплечьем). Таким образом мы постепенно подошли к определению положения предплечья. Пока мы можем сделать только такой вывод, что предплечье должно располагаться не горизонтально, а наклонно, и именно так, чтобы локтевой его конец был ниже лучезапястного. Как же определить его положение поточнее? Клавиатура расположена в несколько рядов разной высоты. Если бы на машинке была возможна чисто пальцевая работа, то это обстоятельство не играло бы никакой роли: достаточно распределить участки работы между отдельными пальцами, независимо

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

от ряда, руководясь лишь естественным расположением пальцев. На самом же деле, раз для развития правильного удара надо подать кисть в соответственное положение над ударяемой клавишей, то неизбежны движения предплечьем вперед и назад, в зависимости от того, над каким рядом надо установить ударяющий механизм кисти и пальца. (Здесь уместно будет сказать,

кисть, лежащая над средним рядом клавиатуры, отвесное положение плеча, локтевой угол немного меньше прямого (80°).

Для дальнейшего построения правильной посадки мы должны перейти к положению глаз и головы. Нормальное расстояние от глаз до валика (принимая во внимание размер букв и правильное освещение) — 30—40 см. Направление взора — немного книзу (это установлено очень остроумными опытами немецкого исследователя машинописи — Клокенберга, о которых здесь, к сожалению, приходится только упомянуть). Все это в достаточной мере определяет положение головы и шеи. (Рис. 4 и 5).

Определим теперь положение корпуса. На основании того же принципа устранения лишних напряжений, по которому мы определили положение плечевой кости, мы и здесь должны придать корпусу отвесное положение, так как всякое другое положение может быть удержано только за счет постоянной мышечной работы. (Рис. 6).

Читатели, наверное, уже обратили внимание, что до сих пор мы строили всю посадку как бы на воздухе: взяли машинку, ни на чем не стоящую, и к ней постепенно пристраивали части человека. Теперь мы будем понемногу подводить основание под нашу постройку. Итак, мы подводим под корпус сиденье, как его опору. (Рис. 7). Однако, сразу же выясняется, что этой опоры недостаточно. Нельзя сидеть шесть

Рис. 10.

Рис. 11.

что одним из немногих слабых мест так наз. десятипальцевого метода является недооценка различной высоты рядов). Так как исходная позиция для удара должна быть всегда одинакова, то очевидно смещения предплечья должны происходить параллельно наклону клавиатуры. Это уже достаточно точное определение положения предплечья: оно должно быть приблизительно параллельно клавиатуре. (Рис. 3).

Перейдем к положению следующего звена: плечевой кости. При определенных положениях предыдущих звеньев мы руководились главным образом «вторым принципом» — обеспечением естественности формы движения. Здесь же нас направит «первый принцип» — устранения лишних напряжений. Только в отвесном положении рука находится в не напряженном состоянии; при всяком другом положении она будет стремиться — в силу тяжести — принять отвесное положение и может быть удержана только при помощи напряжения мышц. Отсюда ясно, что мы должны придать плечевой кости отвесное положение, так как при всяком другом будет непрерывно расходоваться мышечная энергия на удержание этого положения, при чем этот расход никакой пользы для работы на машинке не приносит. (Рис. 3). Итак, у нас определено положение всех звеньев руки. Практически совершенно достаточны, как мы убедились, такие указания для исходной постановки руки: сводобразная

Рис. 12.

Рис. 13.

часов под ряд с отвесным корпусом, что очень ярко сказывается и при наблюдении над машинистками: чем дальше к концу дня, тем больше они «внут», их спина ищет опоры, но — увы — не находит ни в одной из моделей стула. Расслабляются поясничные мышцы, поясница выгибается кзади, а все существующие спинки, как нарочно, устроены выше поясницы, т. е. там, где они совсем не нужны, а иногда даже мешают

(напр., если они на уровне лопаток); собственно, спинки эти существуют только для вида, так как они, ко всему прочему, настолько отодвинуты назад от сиденья, что воспользоваться ими возможно только въехавши стулом вплотную к машинке... Итак, необходима рационально устроенная опора на уровне поясницы, расположенная над задним краем сиденья. Эта спинка должна удовлетворять ряду условий: 1) она должна соответствовать форме поясничной части, 2) она должна быть эластично укреплена (должна пружинить) и 3) она должна переставляться соответственно высоте талии. (Рис. 8). Мы подчеркиваем, что эта дополнительная опора корпуса имеет крайне важное значение, и должна быть так устроена, чтобы машинистки обязательно ею пользовались.

Возвратимся к основной опоре — сиденью. Оно соответствует своему назначению только в том случае, если создает максимальную площадь опоры для главной массы нашего тела. Другими словами, оно должно соприкасаться на возможно большей площади с сиделичной частью и с задней поверхностью бедра. Или, еще другими словами, оно должно копировать форму этих частей тела в сидячем положении. Ни одно из существующих сидений не удовлетворяет этому требованию. S-образная форма сиденья (с вполне определенной кривизной) — единственное рациональное разрешение вопроса. (Рис. 9). Очень существенное значение имеет при этом форма переднего края сиденья: он обязательно должен быть отогнут книзу, так как ребристый край обычного стула (и большей части «специальных» стульев) весьма болезненно ощущается, вжимается в бедра и нарушает кровообращение в нижних конечностях. Сиденье не должно быть коротко: на нем должно умещаться примерно $\frac{2}{3}$ бедра.

Нам осталось рассмотреть положение последней, но довольно беспокойной части тела: голени со ступнями. Ноги машинисток служат прекрасными показателями нерациональности обычной мебели: они буквально себе места не находят и все время мечутся под столом. Работа на машинке не требует какого-либо особого положения ног, а наиболее экономное для них — отведенное, с достаточной, конечно, возможностью для перемещений. (Рис. 10).

Итак, мы дошли до твердой почвы — пола. Надо не забыть, однако, что сиденье и машинка у нас пока висят в воздухе. Какие ножки будут подведены под си-

денье — безразлично. Важно лишь одно, чтобы высота сиденья приравливалась к росту: (Рис. 11): только при этом условии возможно дать правильный локтевой угол и использовать целесообразно площадь сиденья. При слишком низком сиденье сиделище находит себе недостаточную опору, а при слишком высоком — голени свешиваются и край сиденья вдавливаются в бедра. Механизм для изменения высоты сиденья, существующий у некоторых стульев, представляет собой одно из самых слабых их мест, не только в переносном, но и в самом буквальном смысле: он лишает стул устойчивости, сиденье качается, наклоняется вперед, и машинистка вынуждена непрерывно балансировать на нем и упирается ногами, тратя на это очень много энергии. Этот механизм должен быть прост, при чем нет никакой необходимости в такой тонкой регулировке высоты, какая имеется в существующих моделях и из-за которой сиденье так неустойчиво.

Что касается уровня машинки над полом, другими словами, высоты стола, то на первый взгляд кажется, что она тоже должна меняться в соответствии с ростом. Однако, в этом нет необходимости, если мы можем изменять высоту сиденья. Машинисткий стол должен быть рассчитан на максимальный рост (из практически встречающихся). Стандартной высотой можно считать 68 см. (Рис. 13). Для того же, чтобы дать за этим столом правильную посадку машинисткам ниже высокого роста, надо иметь индивидуальные подножки, плоские (или с наклоном не свыше 10°) площадью в 50×50 см. (Рис. 14).

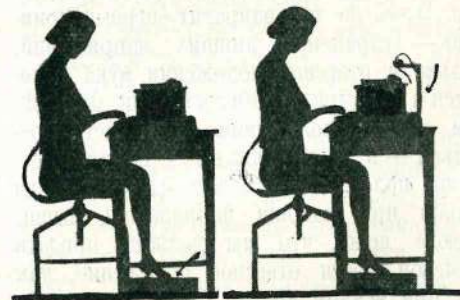

Рис. 14.

Рис. 15.

Кроме общей высоты стола имеет большое значение для посадки еще один размер: толщина столешницы и верхней связи между передними ножками. Общая толщина этих частей не должна превышать 5—6 см. (Рис. 12), в противном случае ноги могут

принять неправильное (наклонное) положение, что сразу нарушит всю посадку.

Мы не касаемся ряда дополнительных признаков рационального стола (площадь,

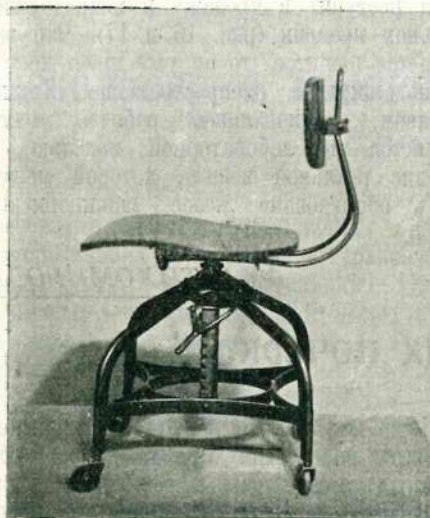

Рис. 16

материал, цвет), как не имеющих отношения к посадке машинистки. Следует сказать, однако, об одном признаке, казалось бы, не имеющем отношения к посадке: о внешнем виде поверхности стола. Столы принято полировать, и в некоторых моделях эта полировка доведена до совершенства. Однако, в жертву внешней красоты здесь приносится зрение машинисток: полированная поверхность является зеркалом, отражающим снопы света в глаза машинистки; чтобы выйти из поля действия этих потоков, бьющих снизу, машинисткам порой приходится принимать самые причудливые позы. Поверхность стола должна быть матовой.

Все изложенное построение рабочего места имело в виду обеспечить естественное и экономное выполнение основной функции машинистки — работы на клавиатуре. Однако, при обычном «зрячем» методе эта работа все время перемежается чтением оригинала. Как мы уже отметили, чтение оригинала, расположенного на столе, неэкономно ни в отношении усилий, ни в отношении времени. Очевидно, чтение должно производиться в том же положении, что и письмо, а это возможно лишь при условии применения попитра, устроенного таким образом, чтобы текст располагался над валгом машинистки, насколько возможно ближе к нему и на расстоянии нормального зрения. (Рис. 15). Если эти три условия

соблюдены, то для правильной посадки безразлично, какими другими достоинствами будет обладать попитр. Бывают, правда, положения, когда такой попитр применить невозможно (списывание больших таблиц, списывание с многолистного переплетенного оригинала, оригинал с большим количеством вставок и сносок и т. п.), однако таких работ — меньшинство. Кроме того, детальную рационализацию рабочего места машинистки ни в коем случае нельзя считать законченной: нам известен ряд попыток облегчить чтение указанных вариантов оригинала, однако, эти предложения еще недостаточно разработаны, чтобы их рекомендовать здесь.

Во что же оценить выгоды правильной посадки и, следовательно, выгоды рабочего места, гарантирующего ее? Влияние на здоровье машинистки, к сожалению, оценить пока невозможно: нужны длительные наблюдения на большом количестве объектов. Все же, поскольку в основу нами положены принципы естественности движений и экономии сил при разработке посадки мы учитывали обычные профессиональные болезни машинисток, то можно не сомневаться в положительном влиянии рекомендуемой посадки на здоровье. В отношении

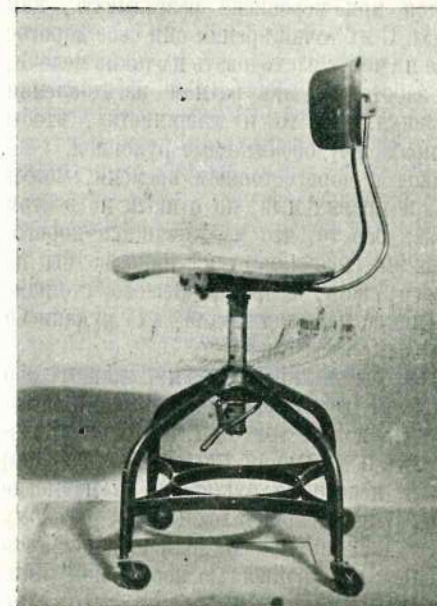

Рис. 17

утомляемости мы обладаем данными в пользу описанного рабочего места и посадки, так как исследование утомляемости было одним из методов, примененных нами при

их разработке. Легче всего оценивается материальная выгода наших предложений, сказывающаяся на более производительном использовании рабочего дня. Применение рекомендуемых нами стола и стула экономит около 20 минут из времени, расходующего на произвольные отдыхи (вызываемые, как мы уже говорили в этой и предыдущей статье, неудобствами рабочего места). Приблизительно столько же экономится на чтении при применении попитра. Таким образом выгоду рационализации рабочего места мы можем оценить в 10—12% рабочего дня.

Все изложенное является результатом полуторалетней кропотливой работы Физиотехнической Лаборатории Института Техники Управления и реализуется через Оргстрой. Стол уже имеется в продаже, стул поступит в продажу в непродолжительном времени (рис. 16 и 17). Что же касается попитра, то он уже имеет достаточно широкое распространение. Таким образом, рациональное рабочее место является не лабораторной моделью, а вполне реальной вещью, которой может быть оборудовано любое машинописное бюро.

А. ТИХОМИРОВА

О неразборчивых почерках

Труд машинистки, утомляя мышцы ее рук, изнашивает и другой рабочий орган — зрение. Потеряла зрение вот и вышла в тираж. Перепечатывание изо дня в день неясных оттисков и неразборчивых почерков, небрежно написанных, не только портит глаза, но и доводит мозг до величайшего напряжения.

Авторам наших учрежденных бумаг не приходит в голову, что их иероглифы приходится при переписке разгадывать, как ребусы. С их точки зрения они свое дорогое время не могут расходовать на такие мелочи, как забота об аккуратном изготовлении черновика. На то и машинистка, чтобы разбирала неудобочитаемые рукописи.

Довод о дорогостоящем времени, может быть, и правильный, но отнюдь не в этом случае. Все то, что изготвляется дорогостоящими специалистами, никогда бы не увидело света, если бы дешево стоящие работники не претворяли их рукописей в удобочитаемый вид.

Если бы было возможно, каким-либо аппаратом (фотографический, к сожалению, недостаточно чувствителен, чтобы воспроизвести все подробности ужасных черновиков) заснять некоторые рукописи, то немногие бы уяснили их принзлженность к русскому языку. Машинистка же должна переписать их, следя за стройностью построения речи, за ее смыслом. И, если она допустит какую-нибудь ошибку, ярлык неграмотной, мало-квалифицированной уже приклеен. А разве думают о ней, когда она, разбирая, каракули убавляет годы своей рабочей жизни, после чего выкидывается порой очень молодой, за борт.

Пора же, наконец, в этом отношении провести определенную работу с тем, чтобы изжить эти мучительные разгадывания рукописей. Совершенно очевидно, что любой дешестоящий труд может превратиться, при плохой его организации, в дорогой.

Мы прекрасно понимаем, что нельзя требовать от наших ответственных работников и специалистов каллиграфического исполнения рукописей, но требовать аккуратно чернилами написанных черновиков, не испещренных выносками и крестами, дополнениями вдоль и поперек, мы имеем право.

Наконец, если идти по линии экономии столь дорогого времени наших специалистов, следует поставить вопрос в другой плоскости более целесообразной, а именно, в плоскости максимальной передачи работ техническому штату, в данном случае необходимости большего использования сил стенографисток (машинисток-стенографисток).

Многие учреждения считают совершенно ошибочно, что насыщение штата стенографистками излишняя роскошь.

Использование стенографии на западе, в капиталистических странах имеет широкие размеры. Пора и нам построить свой аппарат так, чтобы насытить его штаты достаточным количеством стенографисток, и при сокращениях не увольнять, как это теперь делается, в первую очередь стенографисток, помня, что рациональное использование их труда экономит дорогое время высокооплачиваемых специалистов и всех ответственных работников, избавляя одновременно и машинистку от разгадывания непонятных рукописей, естественно понижающего ее производительность.

МЕТОДИКА

Н. ДМИТРЕВСКИЙ

К вопросу о переквалификации машинисток

(В порядке обсуждения)

В № 3 «В.С.М.» поднят очень интересный, серьезный и злободневный вопрос о переквалификации машинисток. К сожалению, автор статьи о переквалификации — П. Абрамсон, — очевидно, имевшая целью лишь поставить этот вопрос на очередь, не дала указаний, каким путем этот серьезный и большой вопрос может быть разрешен.

Основной момент в проблеме переобучения лежит, конечно, в существенном различии задач обучения вновь и переобучения. Получая на курсы новичков мы имеем дело с различиями только в индивидуальных способностях (более развитыми или более слабыми пальцами, лучшим или худшим умственным развитием и пр.); даже общеобразовательную подготовку новичков мы стараемся нивелировать, строя курсы машинописи над 1 ступенью или даже над 7-летней. Иное дело при переобучении. Здесь помимо индивидуальных способностей к письму на машине, уже учтенных нами при выработке методики обучения новичков, мы встречаем новый крупный фактор: перед нами в большинстве случаев серьезные навыки в письме на машине, навыки самого различного свойства, иногда совпадающие с нашими приемами обучения новичков, иногда прямо им противоположные.

До сего времени учет этого фактора производился весьма примитивно. Исходя из того, что работавшая на практике машинистка все-таки кое-что знает, обычно принято было учитывать приобретенные на практике навыки, как положительный момент. Отсюда и принятая примитивная переработка учебного плана: вместо 8—10 месяцев для новичков — 3, 4, 6 месяцев для переквалификации, в зависимости от уже имеющейся скорости письма. Методика же обучения оставалась без изменений.

Между тем учесть этот фактор может только методика преподавания. Ясно, что без переработки нашей методики преподавания, прироченной лишь для обучения новичков, — не может быть ни продуман-

ной программы, ни продуманного учебного плана, выдвигаемых т. Абрамсон в своей статье.

Чем большее число приобретенных до переобучения навыков нам удастся использовать при переобучении — тем успешнее и быстрее пойдет переобучение. Наоборот, чем больше времени и сил мы будем затрачивать на то, чтобы отучить переобучающихся от приобретенных ими на практике неправильных навыков, тем переобучение будет менее производительным.

С точки зрения этих положений надо подойти и к пересмотру нашей методики машинописи для целей переобучения.

Американский слепой десятипальцевый метод по системе Ван-Занд или по системе Минер — таков полный титул нашей современной школьной методики письма на машине. Остановимся прежде всего на принципе «слепого» письма: применим ли этот прием для целей переобучения? На этот вопрос надо ответить не только «да», но «сугубо да». Для недоучек именно слепой метод надо считать наиболее целесообразным уже потому, что большинство из них по этому методу учились раньше и мы таким путем, ничего не ломая, можем использовать значительную часть их прошлых навыков и познаний. Для самоучек же прием «слепого» обучения не менее необходим по другой причине: если самоучка, несмотря на долгую практику, настолько не освоился с расположением клавиатуры, что не в состоянии писать «не глядя на клавиатуру», то ясно, что его зрительная память настолько слаба или неразвита, что необходимо прибегнуть к осязательному (слепому) приему обучения.

Перейдем теперь к десятипальцевому приему того же американского метода. Помимо десятипальцевого теперь за границей существуют не только шести и восьми пальцевые методы, но и метод свободных пальцев. Было бы весьма непроизводительно заново переучивать лиц, уже пи-

шущих «не глядя на клавиатуру» но пишущих не всеми десятью пальцами. Таких лиц следует считать уже, усвоившими так называемую «постановку рук» (обычно 1 часть программы) и применять к ним метод «свободных пальцев», сообразно ранее приобретенным навыкам. Тех же лиц, которые, поступая на курсы по переквалификации, совершенно не могут писать, не глядя на клавиатуру, следует рассматривать, как не усвоивших на предыдущей работе «постановку рук» и приравнивать их в этой части ко вновь обучаемым, придерживаясь десятипальцевого приема обучения постольку же, поскольку это практикуется в отношении новичков.

Далее, наша методика обучения новичков разветвляется по двум системам: по системе Ван-Занд, сущность которой сводится, как известно, к горизонтальному делению клавиатуры при изучении и к одновременной тренировке всех пальцев, и по системе Минер, делящей клавиатуру для изучения по вертикальным линиям и ведущей последовательную тренировку пальцев, начиная с наиболее развитых от природы указательных пальцев. Хотя за границей система Ван-Занд теперь повсеместно вытеснила систему Минер, однако, у нас ни одна из них еще не получила общепризнанного преимущества, и наши курсы машинописи кладут в основу своей методики то ту, то другую систему, в зависимости главным образом от личного преподавательского состава данных курсов.

Исходя из основного принципа переобучения — максимального использования уже приобретенных навыков — безусловно, следует сохранить для курсов по переквалификации не одну, а обе системы. Для той части переобучающихся, которые могут уже писать не глядя на клавиатуру, должны быть подобраны или составлены вновь унифицированные упражнения, цель которых только твердо закрепить безошибочное знание пальцами букв на клавиатуре. Для той же части поступающих на переобучение, у которых руки еще не поставлены, надо пользоваться той системой, по которой они учились уже раньше. И, наконец, только при переобучении самоучек, не могущих писать не глядя на клавиатуру, преподавателю предоставляется полная свобода выбора между обеими системами деления клавиатуры.

Как неоднократно отмечалось теоретиками и практиками, отличительной особенностью малоквалифицированных машинисток является крайняя неравномерность частоты

ударов, крайняя неритмичность их письма. Происхождение этого явления таится в недостаточности навыков, с которыми такие машинистки в свое время приступили к работе. Не обладая достаточной общей беглостью пальцев, они вынуждены были форсировать ее, нагоняя требовавшуюся скорость на тех буквах клавиатуры, которые удобнее расположены для пальцев. Отсюда у них образовалась твердо укоренившаяся привычка писать удобные и неудобные сочетания букв с весьма различной скоростью.

Для борьбы с этим явлением необходимо введение ритма в методику, необходим ритмический метод обучения.

Изложенные сейчас основные принципы и приемы методики переобучения машинисток легко дадут нам теперь ответ и на рядом стоящий злободневный вопрос: возможно ли вести переобучение стажных, но малоквалифицированных машинисток вместе с новичками или для этого требуется особый тип курсов?

Первое с чем мы встречаемся при методическом подходе к переобучению и чего нет при обучении новичков — это необходимость разбить поступающую по группам соответственно уже имеющимся навыкам. Для начала курса можно ограничиться подразделением учащихся на две основные группы: а) уже пишущих не глядя на клавиатуру и б) не могущих писать, не глядя на клавиатуру. Далее, когда разнообразие навыков будет полнее охвачено преподавателями необходимо разбить эти основные группы на подгруппы, частью соответственно определив характер индивидуальных навыков, частью по фактически выявленной успешности. Такое маневрирование, конечно, гораздо легче осуществлять на специально созданных для переквалификации курсах. Таким образом, система преподавания на курсах по переквалификации должна быть групповая; индивидуальная система, господствующая на курсах машинописи при обучении новичков — для переквалификации неприменима. В этом отношении глубоко неправа П. Абрамсон, рекомендующая и для курсов по переквалификации индивидуальную систему преподавания: если при обучении новичков, где мы встречаем лишь индивидуальные различия в общих способностях к письму на машине, преподаватель при индивидуальной системе не в состоянии обслужить более 30—35 учащихся, то что же произошло бы на курсах по переподготовке, где преподавателю пришлось бы сразу

встретиться еще с целым комплексом разнообразных прошлых навыков. Ясно, что без разбивки учащихся по группам и без групповой системы преподавания получилось бы огромное распыление преподавательских сил и фактическое отсутствие учета главного фактора — индивидуальных навыков, приобретенных до поступления на переобучение.

В крайнем случае могут быть, конечно, созданы и на общих курсах особые группы для переквалифицируемых, но объедине-

ние переобучающихся и новичков в одних и тех же группах (как это практикуется сейчас на многих курсах) не целесообразно ни с педагогической, ни с методической точек зрения.

Совокупность предлагаемых нами мер поставит дело переквалификации машинисток на твердые рельсы и сдвинет с мертвой точки большой вопрос о застойных контингентах безработных машинисток на Биржах труда.

Д. КУЗЬМИН

Против или за 10-пальцевый метод

(В порядке обсуждения)

Тов. Дмитриевский в своей статье «Методика письма в свете современных научных исследований» (см. «В. С. и М» № 5), категорически возражает против десятипальцевого метода, относя к его дефектам: 1) деление клавиатуры на твердые зоны для пальцев и 2) незначительное чередование рук.

Весьма серьезным и, как нам кажется, единственным аргументом т. Дмитриевского является закон чередования рук, открытый Ляи, говорящий не в пользу десятипальцевого приема. В самом деле, каждому пишущему по десятипальцевому методу известно, насколько труднее, в смысле скорости, исполняются те слова, которые приходится писать одной рукой, по сравнению с теми, которые требуют чередования рук и в этом закон Ляи находит себе подтверждение.

Следуя этому закону, мы должны ограничиться при письме на машине одним пальцем на каждой руке, т. к. только при этом условии чередование рук будет максимальным и скорость возрастет. Прибавление каждого следующего пальца должно уменьшить чередование рук и, следовательно, уменьшится скорость письма. Вот, приблизительно, к такому выводу пришел т. Дмитриевский на основании закона Ляи.

Все это, может быть, было бы и верно, если бы скорость письма зависела только от частоты наносимых ударов, но последняя, как мы знаем, в значительной степени зависит от «слепого» приема, от которого, при уменьшении количества действующих пальцев, останется пустой звук, или он станет достоянием немногих лиц.

Приведенные т. Дмитриевским примеры достижений отдельных лиц (Пио и Митчель),

пишущих шестью и восьмью пальцами (в первом случае, очевидно, большими, указательными и средними и во втором — большими, указательными, средними и безымянными) не звучат для нас убедительно. Более красноречивыми явились бы в этом случае результаты школы Пио, если бы при этом выявилось, приблизительно, такое же усвоение этих своеобразных приемов массовой. Но об этом т. Дмитриевский умалчивает.

Тов. Дмитриевский видит корень зла в применении всех пальцев и это неправильно. Закон чередования рук, прежде всего, указывает на необходимость переконструирования клавиатуры. Так, напр., если расположить все гласные буквы, мягкий и твердый знаки, а также некоторые согласные буквы, из наиболее часто сочетающихся между собой, под левую руку, а остальные под правую, то чередование рук при 10-пальцевом методе будет максимальным. Скорость же и равномерность силы удара, по Ляи, «не зависят от пальцев».

Но и при настоящем расположении клавиатуры нет особенных оснований отказываться от применения всех пальцев. Закон чередования рук ценен для нас, сторонников 10-пальцевого метода, тем, что он указывает на необходимость большей тренировки пальцев каждой руки в отдельности на словах, исполняемых одной рукой. Об успехе такой тренировки пальцев мы можем судить по игре скрипачей, пальцевая техника которых не связана с чередованием рук (в данном случае скрипка аналогична пишущей машине — четыре струны скрипки и четыре ряда клавиш машины).

Далее, относя незыблемую аппликатуру (распределение пальцев) на машине к числу важнейших недостатков, т. Дмитриевский приводит, в доказательство ненужности ее, игру на рояли, где якобы пианист по произволу ударяет клавиши не соблюдая определенный аппликатуры. Этот вопрос освещен им совершенно неправильно. Конечно, такого внешнего сходства в аппликатуры машины с аппликатуры рояля нет и не может быть постольку, поскольку внешне различны по своему устройству рояль и пишущая машина. Внутренне — аналогия полная. В игре на рояли существует определенное чередование пальцев, которое усваивается пианистами при прохождении курса обучения из гамм, арпеджированных трезвучий и проч. музыкальных упражнений. Благодаря чему, при исполнении пьес, даже *à l'ave ouverte* с неравноразного листа распределение пальцев у пианистов совпадает до точности (в этом примере самоучки и недоучки оставляются нами в стороне). Следовательно, той свободы пальцев, о которой нам говорит т. Дмитриевский при игре на рояли нет.

Наконец, так ли велика потребность у пианистов не смотреть на клавиатуру, как рисует ее т. Дмитриевский? Музыкальная память, замедление темпа, длительность нот, четко написанные ноты, все это такие моменты, которые позволяют пианисту использовать зрение для корректирования движения пальцев в процессе игры.

Иначе дело обстоит у машинисток. Всегда одинаково быстрый темп, постоянное исполнение *à l'ave ouverte*, материал, написанный сжато, мелким убористым почерком или напечатанный мелким типографским шрифтом, заставляют добиваться абсолютного изолирования зрения от клавиатуры, в противном случае остановки на отыскание места в переписываемом материале будут продолжительными, и всякий смысл «слепого» метода будет потерян (поскольку здесь речь идет о скорости письма, а не о профвредности). При таких условиях, по нашему мнению, «слепой» метод наиболее осуществим при письме всеми пальцами, с определенными зонами и основным положением для пальцев, позволяющим довольно хорошо ориентироваться в клавиатуре и как бы заменяющим участие слуха у пианистов.

Стремление к однообразию в распределении пальцев, какое существует при 10-пальцевом методе письма на машине, заме-

чается и у машинисток-самоучек. Не имея других проверенных данных на этот счет, мы позволяем себе опереться на лично-проделанный нами опыт: мы брали машинисток с различным количеством работающих пальцев, которым предлагали заучивать отдельные слова, с доведением их до возможной скорости. После этого заставляли повторять в медленном движении и замечали, что в огромном большинстве случаев, при повторении заученного слова, распределение пальцев у каждой в отдельности абсолютно совпадало. Любопытным представляется и тот факт, что у тех машинисток, у которых при описанном нами опыте выявилось непостоянство в распределении пальцев (свобода пальцев) отсутствовала точность ритма, а результаты проверки скорости письма с незнакомого текста, оказались значительно ниже и в качественном, и в количественном отношении.

Приведенные факты дают нам право утверждать, что распределение клавиатуры на зоны для пальцев не есть что-то искусственное, а нечто вытекающее из наших внутренних потребностей свести всю работу пальцев к однообразию. В этом мы видим теоретическое обоснование аппликатуры на пишущей машине.

Указание т. Дмитриевского на переход некоторых из изучавших 10-пальцевый метод на индивидуальный верно, объяснение же этому следует искать в причинах как субъективного, так и объективного свойства. К первым из них можно отнести: непонимание изучавшим преимуществ десятипальцевого «слепого» метода перед зрительным «тычковым»; плохое усвоение приемов десятипальцевого метода (плохая постановка рук, изолированное движение пальцев и т. п.); плохая проработка им учебного материала и проч., ко вторым — старые избитые машины в учреждениях; хаос в расположении знаков на клавиатуре, какой имеет место в настоящее время; влияние некоторых старых работников машинописи, недоверчиво относящихся к новшеству и, наконец, не редкие случаи непонимания администрацией учреждений преимуществ десятипальцевого «слепого» метода, привыкшей судить о скорости письма по интенсивности треска машины при работе на ней «зрительным» приемом.

Все изложенное заставляет быть уверенным, что машинопись при десятипальцевом методе стоит на более правильном пути и пока нет оснований сворачивать с этого пути.

В. ВЛАДИМИРОВА.

О ритме и 10-пальцевом слепом

Я научилась на машинке самоучкой, и теперь для меня полная неожиданность заявления на страницах нашего журнала о том, что в преподавании в школах машинописи не разработаны ритмические упражнения. Вот мой опыт в этом отношении: работала полгода шлепая 8-ю пальцами без всякой системы. Случайно попался в руки самоучитель по слепому методу (автора, к сожалению, не помню). Стала задерживаться после занятий на час—два и прорабатывала все упражнения, начиная с первого. Скучное это было дело — «ждлорп» и обратно «продж», и дальше «пара пара пара»... цельными страницами. Но я его стала разнообразить так: когда данное упражнение уже «вошло» в концы пальцев, я начинала смотреть в окно и вполголоса напевать или декламировать строго ритмичные отрывки, аккомпанируя себе на машинке бесконечными строками упражнений, с легким ударением в такт на вновь вступившей в упражнение букве, а затем переходила на протяжную монотонную речь, сопровождаемая таким же монотонным непрерывным выстукиванием целой строки.

Результат — по определению сослуживцев — «неумолимая равномерность».

При любой быстроте буквы сцепляются только от удара разом по двум клавишам.

Тов. Шумидов настоятельно рекомендует приводить учащихся в состоянии слепорожденных, закрывая клавиатуру картоном.

Вряд ли с педагогической точки зрения целесообразно приучать пальцы к поискам

м. Бобровица.

букв наощупь. Ведь успешность всякого обучения основана на сознательности и отчетливости восприятия, тем более, что от взрослого учащегося мы вправе требовать устойчивого желания и воли к учению, а не бороться с малодушными увилываниями от основных требований преподавания. Кроме того, необходима проверка правильной постановки руки и пальцев.

Опасение, что «от 10-пальцевого слепого ничего не останется», вряд ли основательно. Я смотрела на клавиши, чтобы правильно расположить пальцы, «нацелилась», затем начинала печатать, глядя на валик. Вдобавив некоторую уверенность, повышала постепенно скорость, уже совершенно не глядя на машинку. И от слепого метода сохранила все, включая цифры, если они не разделены запятой когда приходится спускать регистр.

Кстати о пользе этих ритмических упражнений и в дальнейшем: вечная спешка сделала то, что редкая бумажка выходит из машинки без набивок. Но не так давно сломалось у меня украинское *i* с двумя точками, пришлось заменить его *i*, и чтобы не спотыкаться с непривычки, несколько вечеров поупражнялась, вспомнив указания самоучителя. Теперь левая рука работает значительно чище правой (*i* находится в левой стороне). Вот эти упражнения следует время от времени проделывать каждой машинистке, чтобы поддерживать чистоту и правильность удара. Одна практика в обстановке вечной спешки только понижает квалификацию.

ТЕХНИКА

Об единой клавиатуре

(В порядке обсуждения)

Прошло более трех лет, как в № 22 от 7 июня 1925 г. органа ЦК Союза «Голос работника» появилась моя статья о необходимости скорейшего создания единой стандартной клавиатуры пиш. маш., в связи с новой орфографией, и более двух лет, как в марте 1926 г. я обратил на это внимание ВЦИК, который тогда же передал этот вопрос Наркомпросу.

Поэтому, являясь инициатором возбуждения этого, очень важного для всех работников машинописи, вопроса — считаю нужным высказаться по поводу статьи В. Гольцева, касающейся клавиатуры (№ 6 «В. С. и М.»).

Разрешение вопроса о клавиатуре должно, по моему мнению, выдвигать на первый план проведение ее в жизнь практически. Поэтому я ставлю на разрешение не теоретические, очень интересные соображения, какие высказаны в статье, а главные вопросы: 1) возможна ли ломка клавиатуры (существующей свыше 40 лет и применяемой на сотне тысяч машин), без ущерба для дела машинописи, и 2) диктуется ли такая ломка действительно «непригодностью» существующей клавиатуры.

Уверен, что на первый вопрос все практики, работающие на машине, а не лица, подходящие к разрешению его лишь теоретически — ответят: нет, нельзя. Равным образом непригодность существующей клавиатуры у меня под большим сомнением и автором статьи ничем не подтверждается. Но даже если бы она и существовала, то первый вопрос является настолько доминирующим, что его даже при «непригодности» нельзя обойти. Прекрасным примером может служить опыт пересоздания клавиатуры, имевший место более 20 лет тому назад.

Когда в 80 годах были введены во Франции пишущие машины Ремингтон, то для них воспользовались клавиатурой, разработанной в Америке для английского языка, с самыми незначительными изменениями,

заключившимися в перестановке одной на место другой букв Q и A, W и Z и перемещения буквы M из нижнего ряда в «основной» на место точки с запятой.

Так как такая клавиатура, как не специально разработанная для данного языка — обладает многими дефектами, то возникла мысль разработать новую специальную, французскую, клавиатуру. Создана была в Париже комиссия из 20 специалистов по машинописи и стенографии, под председательством М. А. Наварра. Из изданного Комиссией подробного отчета видно, что она очень тщательно и основательно разработала этот вопрос и в результате — 13 октября 1907 года утвердила новую клавиатуру.

Но какие бы преимущества она ни заключала — практика жизни не позволила применить ее на деле и она осталась мертворожденным детищем. По крайней мере, я, в ответ на мой запрос о судьбе этой клавиатуры, только что получил сообщение от Компании Ремингтон от 6-го июля, что и по сей день на всех французских машинах применяется та клавиатура, которая была разработана при введении их в употребление. И это вполне понятно: нельзя лиц, работающих на машинах, заставить переучиться на новую клавиатуру, нельзя сотни тысяч машин переделать на новую клавиатуру, даже несмотря на имеющиеся дефекты в смысле расположения отдельных букв (в отчете Комиссии приведен ряд фраз, которые пишутся одной левою рукою, напр.:

Versez cette tasse de café et cessez de bavarder

Ничего подобного в нашей русской клавиатуре нет. Она плод кропотливой и тщательной работы особой Комиссии, в которую входили практики, начиная от покойного академика И. И. Янжула и кончая скромным наборщиком типографии. В нашей клавиатуре наиболее часто встречающиеся буквы расположены в середине, буквы «я-й-ю», встречающиеся чаще на конце слова, помещены крайними, так что после

удара по ним мизинцем — большой палец легко ударяет промежуточный клавиш, буквы глагольного окончания «ить» расположены под ряд, а буквы часто встречающихся сочетаний «бол-во-то» поблизости и т. д. Вообще какое бы слово вы ни стали писать, получается впечатление подбора расположения букв на клавишах для данного слова. Поэтому высказанная в статье г. Гольцева мысль, что существующая клавиатура подлежит замене «за непригодностью» ничем не подтвержденная — вряд ли справедлива.

Но раз мы приходим к заключению, что существующая клавиатура должна быть сохранена, то возникает вопрос, нужны ли какие-либо изменения в ней в связи с новой орфографией. Да, отвечу я, нужны, но только такие, чтобы изменение размещения пальцев на клавишах коснулось самого незначительного числа знаков.

Исходя из этого я, составляя свою клавиатуру, предложенную мною в № 22 «Гол. Раб.» в 1925 г., и остановился на переносе из верхнего ряда «ц» и «э» на освобожденные места «i» и «я»^т, чтобы таким образом весь русский алфавит размещен был на трех рядах. Буквы «ц» и «э» сравнительно редко встречаются в русском языке, напр. в статье тов. Гольцева (7000 букв) буква «э» встречается всего 7 раз, из них 6 раз в слове «этот» и 1 в слове «этап», что же касается «ц», то благодаря часто встречающимся в статье слов «цифра» — пальцы — стандардизация — специфический — она встречается 45 раз. Поэтому перенос их на другое место не вызовет ни больших расходов по переделке машин со старою клавиатурой, ни труда для работающих перейти на измененную клавиатуру. Букву «э» я поместил на место «i», так как иногда встречается сочетание «эй», а «ц» на место «я»^т, по близости к «а» и «ы», с которыми она имеет нередко сочетание.

Что касается буквы «ъ», то я считаю ее сохранение для письма на машине с овер-

шенно нежелательным, она употребляется только в середине слова, а такое сочетание представляется редким, напр. в статье тов. Гольцева нет ни одного такого сочетания. Посему я на место «ъ» — поместил «1» (единицу), в том же ряду, где «0» (нуль), с которым она имеет часто сочетание, а взамен «ъ» поместил апостроф, который заменит «ъ» среди слова, как это часто делается в книжном наборе. Освободившиеся же четыре знака после переноса двух букв из верхнего ряда — я отвел римской цифре V и дробям $\frac{1}{4}$ $\frac{1}{2}$ $\frac{3}{4}$.

При таких условиях и появилась та клавиатура, которая была предметом обсуждения на совещании, созванном Ленинградпрофобром 26 авг. 1926 г., и им принята *).

При обсуждении в Главпрофобре вопроса о клавиатуре высказывалось некоторыми сомнение, нужны ли дроби, после введения метрической системы. Я того мнения, что не всегда употребляются десятичные дроби, напр., в Банках принято обозначать дробные части процентов, года и т. п. простыми. Но я считаю, что стандардизация клавиатуры должна касаться лишь букв, цифр и обычно употребляемых знаков препинания, стандардизировать же мало употребительные знаки нельзя. Для них нужно оставлять определенные клавиши, а будет ли на том клавише дробь, вопрос, плюс, равенство или т. п. — предоставлять решать учреждению, какой ему желательно иметь знак соответственно условиям работы. Для работника на пишущей машине это никакого затруднения при работе не представит.

*) В № 6 «В. С. и М.» на стр. 29 вкралась досадная опечатка: проект клавиатуры, приписанный И. П. Менделееву следует считать проектом П. В. Москвина и наоборот.

Н. ФУС

Исправление ошибок при машинописи

Одним из крупнейших недостатков машинописи являются ошибки в письме. При писании от руки тоже бывают ошибки, но это ошибки почти исключительно грамматические или синтаксические. Другого рода ошибки или как их называют «описки» — чрезвычайно редки. В машинописи же, наоборот, большим процентом ошибок являются именно описки, т. е. ошибки, сделанные не по незнанию правил правописания, а вследствие ошибочного удара. Причины ошибочных ударов весьма различны и сейчас мы на них останавливаться не будем;¹⁾ укажем лишь, что ошибки бывают двух родов: 1) ошибки, искажающие понимание слова или фразы и 2) ошибки-описки, допускающие понимание текста.

Если ошибки второго рода иногда можно и не исправлять, то ошибки первого рода надо обязательно исправлять. Необходимо стремиться замечать и исправлять ошибки до выемки работы из машины, так как это значительно облегчает исправление ошибок. Особенно это важно при печатании со многими копиями. Раз работа вынута из-под вала каретки, листы с копиями неминуемо сдвигаются и исправить ошибку по всем копиям сразу невозможно. Каждую копию приходится тогда исправлять отдельно. Подгонка строчки занимает много времени, и часто цвет ленты не соответствует цвету копировки и исправление очень заметно.

Исправлять ошибку в работе со многими копиями можно либо с верхнего экземпляра, либо с нижнего — с последней копии. В первом случае мы имеем то преимущество, что нам нужен лишь один кусок бумаги, который мы подкладываем под каждую последующую копировку, чтобы при стирании резинкой не сделать пятно на копии от нажима резины. Стерев искажение на последней копии и откинув листы на место, можно сразу печатать исправление. Если же начать стирать с последней копии, то под каждую копировку надо подложить кусочек бумаги и не вынимать их до стирания верхнего экземпляра, чтобы не запачкать копии копировкой. Перед печатанием исправления нужно не забыть вынуть все бумажки иначе на копиях ничего не получится.

При свежей, жирной копировке лучше стирать ошибку снизу, так как при стирании сверху на нижних копиях получается пятно от нажима резины.

Желая получить чистое, малозаметное исправление ошибки надо учитывать следующие моменты:

1) Прежде чем стирать резинкой надо подумать, нельзя ли исправить, не стирая, используя методы перебивания, соскабливания ножом, или зачеркивания слова буквой «Ш» или «Х».

2) Начинать стирать надо острым краем резинки, а не тупым концом. Для этого ножом скашивают край резины. Стирать надо движением сверху вниз, а не вдоль строчки, чтобы не размазывать краску.

3) Если бумага слаба (неплотная) не стирать сразу жесткой — стеклянной резинкой. Она может порвать бумагу: получается рваное, ворсистое пятно, очень заметное. Надо стирать сперва мягкой (карандашной) резинкой, а если плохо сходит, подправлять твердой резинкой.

4) Копию всегда начинать стирать мягкой резинкой, так как уголь копировки от твердой резины размазывается. Стирая 1—2 буквы твердой резинкой замазываются соседние буквы и иногда приходится стирать все слово. Мягкая же вбирает уголь и мало размазывает.

5) При пропуске одной буквы иногда удается ее втиснуть стерев дверядом стоящие буквы и, придерживая каретку одной рукой, на интервале двух букв напечатать три.

6) Стертые места бумаги перед печатанием надо сглаживать ногтем или костяной ручкой перочинного ножа, но не деревом карандаша. Дерево мажет.

7) Стирать надо отводя каретку в сторону, чтобы опилки резины не падали во внутрь машины, засоряя механизм.

8) Исправлять ошибку путем перебивки неверной буквы — верной надо с разбором учитывая очертания буквы. Нельзя, например, букву «Н» перебивать буквой «П», так как поперечная черточка буквы Н будет вызывать сомнение в достоверности буквы. В обратном же случае исправление выйдет очень хорошо и малозаметно.

На исправление уходит много времени и, поэтому, каждая машинистка должна в совершенстве изучить дело исправления ошибок.

Е. К—ВА

Как писать восковки

Прежде чем заложить восковку в машинку надо осмотреть провощенный лист — нет ли трещин и не смят ли, так как все эти дефекты отпечатаются при работе на всех экземплярах, и работа будет испорчена.

Восковка имеет 83 деления, но печатается восковка только с 10-го до 70, в крайнем случае, до 72-го, если бумага, на которой будет печататься работа, обыкновенного размера, если же диновского (каковой введен у нас, в Центросоюзе), то пробивать восковку нужно также, начиная с 10-го деления, но закончить на 62-м делении.

Начинать строку от белого края на полсантиметра, не дописывать до конца другого белого края на полтора сантиметра.

Лучше всего восковку закладывать в машинку с одной копией, которая подкладывается под восковку, так как копия дает большие преимущества при проверке работы.

Перед пробиванием восковки чистится шрифт машинки бензином и щеткой. При пробивании восковки обыкновенно запирают ленту, но рекомендуется лучше всего совсем ее вынимать из машинки в виду того, что при размножении на ротаторе работа выходит рельефнее.

Удар при печатании должен быть ровный и сильный. Машинки системы «Ремингтон» более удобны для пробивания восковок, так как имеют более легкий ход и острый шрифт (меньшая утомляемость рук).

Машинки системы «Мерседес» также дают ясный и четкий результат, но только отличаются средней скоростью.

Если восковка хорошо пробита, то при просмотре на свет провощенного листа весь пробитый шрифт просвечивает, и таким образом можно судить о всех недочетах и достоинствах удара. Буквы «о» и «с» сильно ударять не следует, так как они острее всех букв и при сильном ударе пробивают восковку насквозь, и буква вылетает совсем из восковки.

Если написана не та буква, которую нужно, то перебивать надо сильнее, чтобы нужная буква была рельефнее.

Если надо вычеркнуть из восковки написанное ненужное слово или целую фразу, то для этого употребляется жидкость «Флюид», которую берут на кисточку и замазывают ненужное место. Раньше мы получали эту жидкость из-за границы и она была несравненно высшего качества, чем та, которая вырабатывается сейчас у нас: можно было на замазанном месте, дав ему просохнуть, написать то, что нужно. Сейчас, к сожалению, можно только замазать, писать же на этом месте снова нельзя, так как получается мазня.

Доброкачественная и хорошо пробитая восковка может дать до 2-х тысяч экземпляров.

¹⁾ См. «Красота и правильность письма» Ф. Фус в №№ 1 и 2 «В. С. и М.».

А. АКИШИН

Кто имеет право на пенсию по инвалидности?

На днях Союзным Советом Социального Страхования утверждены новые правила по обеспечению инвалидов и семей умерших. Новая сводка правил в значительной степени разрешает наиболее больное место страхового законодательства — его запутанность и противоречивость. Вместо огромного количества постановлений и разъяснений, изданных по разному поводу и часто не согласованных между собою, сводка правил пытается в 150 пунктах разрешить все вопросы страхования инвалидности, вдовства и сиротства. При этом все изданные до сих пор постановления в этой области считаются отмененными.

По новым правилам требуется определенный стаж работы по найму от всех инвалидов, с установлением определенной градации в зависимости от возраста: к примеру — лица, достигшие 25-летнего возраста, должны иметь 2-летний стаж; 30 лет — 3-летн. и т. д. Заканчивается эта градация 8-летним трудовым стажем для лиц в возрасте свыше 50 лет. Ранее для получения пенсии требовался обязательно непрерывный трудовой стаж. Поэтому имели место случаи, когда лица с многолетним трудовым стажем, но имеющие 6-месячный перерыв в работе, лишались права на получение пенсии. По новым же правилам инвалид для получения пенсии имеет право суммировать свой трудовой стаж. Не подлежит суммированию стаж лишь в том случае, если перерыв в работе был свыше 5 лет.

Кроме обеспечения по инвалидности от общих заболеваний и старости, закон предусматривает обеспечение тех лиц, инвалидность которых наступила вследствие профессионального заболевания. К таким инвалидам относятся такие работники, которые потеряли свое здоровье по причине вредности профессии. Как мы знаем, работа стенографов и машинисток протекает в довольно тяжелых и напряженных условиях, влекущих за собой ряд профзаболеваний (болезни руки, нервной системы, зрения) и поэтому они чаще, чем другие служащие

становятся инвалидами. Все это говорит за то, что значительная часть стенографов и машинисток имеют право претендовать на пенсию по профзаболеваемости. Для этого нужно, чтобы инвалидность по причине профессионального заболевания была определена врачебной комиссией.

Для работников, обеспечиваемых по случаю профессионального заболевания никакого стажа работы по найму не требуется. Пенсия увечникам и инвалидам от профзаболевания исчисляется, исходя из их полного заработка без всяких ограничений:

Инвалиды I группы получают полный заработок;

инвалиды II группы получают $\frac{3}{4}$ полного заработка;

инвалиды III группы получают $\frac{1}{2}$ полного заработка;

инвалиды IV группы получают $\frac{1}{3}$ полного заработка.

Заработок (помимо пенсии) этих инвалидов совсем не учитывается.

Для инвалидов от общих заболеваний пенсия исчисляется в несколько другом порядке, т. е.:

I группа — $\frac{2}{3}$ полного заработка;

II группа — $\frac{4}{9}$ полного заработка;

III группа — $\frac{1}{3}$ полного заработка.

При этом для лиц, заработок которых превышает 225 руб. I, II, III поясе и 180 р. — в IV, V и VI поясе, пенсия назначается, исходя из заработка, равного указанному выше пределам.

Помимо этого заработок получающих пенсию инвалидов от общих заболеваний подлежит учету и не может превышать его прежнего заработка (до наступления инвалидности). Правда, новыми правилами для инвалидов облегчается самый порядок учета их материального положения. Пенсионеры освобождаются от представления документов о наличии у него доходов или заработков. Данные о материальном положении пенсионера страхкасса добывает самостоятельно.

Порядок же получения пенсии очень прост. За получением пенсии работник должен обратиться в страховую кассу, представив удостоверение о стаже работы по найму, удостоверение (расчетную книжку) о размере получаемой зарплаты и справку о месте жительства. После этого страховая касса направляет застрахованного в органы экспертизы. Если врачебная экспертиза признает застрахованного не способным к труду, то страхкасса назначает ему пенсию, исходя из того, к какой группе инвалидов он отнесен врачебной комиссией.

Все сказанное говорит о том, что закон о пенсиях значительно упрощен и улучшен.

Правда, и сейчас еще советская пенсия далека от идеала, она еще не возмещает инвалиду его прежнего заработка. К сожалению, настояния ВЦСПС перед Союзным Советом Социального Страхования о неко-

тором повышении размера пенсий в настоящее время не увенчались успехом, но мы не сомневаемся, что в ближайшее время союзные и страховые органы вернутся к этому вопросу и разрешат его в благоприятном смысле.

Но пенсия в нашей стране уже сейчас выше, чем даже в Германии, где дело страхования поставлено много лучше, нежели в остальных буржуазных странах. Она дает возможность многим престарелым работникам, через силу работающим, перейти на пенсию и тем самым сберечь остаток своих сил, уступая в то же время освобождающиеся места подрастающей молодежи.

Долг союзных организаций, в частности месткомов, всячески способствовать безболезненному переходу инвалидов на пенсию.

Правила об условиях труда с'ездовых стенографов

Утвержденные НКТ СССР 21 июля 1928 г., за № 419 Наркомтрудом Союзных Республик

1. Условия труда стенографов, обслуживающих съезды, конференции, совещания, лекции, доклады и т. п. и не состоящих на службе в данном учреждении или предприятии — регулируются общими законами о труде (в том числе и постановлением ЦИК и СНК СССР от 14 января 1927 г. «об условиях труда временных рабочих и служащих» — собр. зак. СССР 1927 г. № 9, ст. 80), а также настоящими правилами.

2. Условия труда стенографов, направляемых на работу через бюро стенографов при биржах труда, определяются с соблюдением указанных в ст. 1 законов и правил, по соглашению бюро с нанимателем при самом направлении на работу.

При определении указанных условий бюро руководствуется ставками заработной платы и прочими условиями труда, выработанными по соглашению с комитетом стенографов.

3. Заработная плата стенографам выплачивается нанимателем через бюро стенографов.

О каждой выплате заработной платы бюро стенографов делает отметку в личной книжке стенографа, приобретаемой последним за свой счет и регистрируемой в бюро.

П р и м е ч а н и е: Форма личной книжки стенографа устанавливается НКТ СССР

4. Споры, возникающие между стенографами и бюро стенографов на почве расчетов по заработной плате, разрешаются в специальных паритетных комиссиях в составе представителей бюро стенографов и комитета стенографов или же в судебном порядке.

5. Социальное страхование стенографов регулируется постановлением союзного совета социального страхования при НКТ СССР от 24 июня 1926 года № 1571915 «о социальном страховании стенографов,

посылаемых на временную работу комитетами или бюро стенографов» («Изв. НКТ СССР». 1926 г. № 29).

6. В зале, где происходит заседание, лекция и т. п., администрация обязана предоставить стенографам вблизи от оратора удобный стол со всеми необходимыми письменными принадлежностями.

7. Для расшифровки стенограмм администрация обязана предоставить стенографам светлое и теплое помещение, изолированное от машинописного бюро (при немедленной расшифровке — вблизи от зала заседания по возможности в том же этаже), и вполне исправные пишущие машины, на которых должны работать опытные машинистки, пишущие не менее одной страницы в 10 мин.

8. Со всеми заявлениями по поводу работы стенографов администрация должна обращаться к старшему стенографу.

Заявления о плохом качестве стенограмм должны сопровождаться представлением испорченной стенограммы. Указанные заявления должны рассматриваться бюро стенографов в недельный срок со дня получения их бюро. Заключение бюро по вопросу об основательности жалобы администрации должно немедленно сообщаться заинтересованным стенографам.

9. По окончании работы администрация обязана подписывать представляемые стенографами справки о количестве проработанных часов.

10. Настоящие правила должны быть вывешены на видном месте в помещении бюро стенографов.

Народный Комиссар труда СССР Шмидт. За зав. общим управлением НКТ СССР Лях. Согласовано с ЦК профсоюза советских служащих СССР (отношение от 11 июля 1928 г.

МАРГАРИТА В.

К Л Ю Ч

(Рассказ).

От крохотной комнатки, где помещается радиоприемник, у Гусевой свой ключ. По вечерам, едва отряхнувши остатки послеобеденного сна, она одевала свое нелепое пальто, с кроличьим воротником, ушастую шапку и спешила к аппарату.

В тишине застывших комнат учреждения сухо потрескивали клавиши «Ундервуда», а в ушах Гусевой монотонно хрипел голос диктора...

— ...Алло, алло, алло!.. Говорит станция имени Коминтерна на волне...

С нечеловеческой быстротой бегали тонкие нервные пальцы, чуткое ухо не пропускало ни одного слова.

Так каждый вечер.

По утрам секретарь Андрианов пыхтел над тонкой стопкой радиотелеграмм, которая еще с вечера лежала на его столе. Делал он это машинально, портя своей сомнительной грамотностью безупречную орфографию Гусевой.

К перепечатке придаться было невозможно. Аккуратная, безупречная работница Гусева не раз сама говорила секретарю.

— Извините, Андрей Иванович, но тут у вас совершенно иначе получилось...

— Дорогуля моя, — поднимал брови секретарь, — разрешите уж мне, как я знаю. Нужно ведь сократить текст.

Гусева пожимала плечами и уходила.

В мутных белых глазах Андрианова зажегся огонек, и он провожал Гусеву долгим и пристальным взглядом.

— Да — с, ... повторял он, — это для сокращения.

* * *

Резкий, вьюжный ветер раскачивал вывески. Взметалась белая снежная пыль, колола щеки, спрятанные в кроличий воротник, леденила ноги, вязнувшие в сухих сугробах.

Ровно в десять вечера щелкнул ключ, а через пять минут Гусева, еще дрожа от холода, чутко ловила.

...Алло, алло! Слушайте, слушайте... Говорит Коминтерн...

Из-под валика «Ундервуда» тянулись строгие четкие буквы.

Тихо приоткрылась дверь, глянула знакомая лысая голова секретаря с дряблыми, небритыми щеками.

— Еще... принимаете?

— Одну минутку... не мешайте...

— Ну, я тут посижу... э...то интересно... Я тихо буду.

Гусевой казалось, что за спиной у нее тяжело дышит человек и что вот сейчас скажет этот человек что-нибудь лишнее, скверное. И хотелось, чтобы продолжал говорить монотонный голос из Москвы. Но ровно в двенадцать диктор замолчал.

Гусева устало повернулась к Андрианову.

— Радио заинтересовались? — колко спросила она.

— Да, конечно, радио...

Маленькие белые глазки уставились на Гусеву. Волосатые руки дергались в карманах.

— Я по дружески к вам, дорогуля... виноват, Лидия Васильевна. И считаю поэтому долгом... Нет не перебивайте. Списочек тут мне приказали составить. Так сказать, мои соображения насчет того, кого подсократить. Ну и вот...

— Пожалуйста, отодвиньтесь немного. Простите, но... пахнет.
— Да... с пахнет. А почему, спросите? Из-за вас же. Слушайте же. Надо кое-кого уволить. А вас — безусловно. Конечно, это страшно жалко.

Гусева встала.

— О моем увольнении я, очевидно, должна узнать завтра в служебное время. Законно оно или нет — об этом мы поговорим в РКК...

— Чего вы волнуетесь? Сокращения может и не быть... Это будет зависеть от вас самих... Э... э. Вы понимаете?

«Сейчас он скажет гнусность» — подумала Гусева.

— Вот что, подошла она к Андрианову. Я знаю, что вы хотите сказать, знаю, для чего вы явились сюда. Но вы пьяны, идите спать. Я постараюсь забыть об этом... Уходите же.

Андрианов встал. Это была не пощечина, но что-то похожее.

— Ах вот как?... Хорошо-с!

И уходя бросил.

— Не все ли равно вам с кем...

И хлопнул дверью.

* * *

Конфликтная комиссия в полном составе. От администрации — Андрианов. Сегодня у него мешки под глазами, но он с довольным видом рассматривает рыжую шерсть на своих руках.

Гусева, как всегда, вошла спокойно. Андрианов пытливым взглядом заглянул ей в лицо и ухмыльнулся.

— Да, товарищ Гусева, приходится нам расставаться с вами. Ничего не поделаешь... Жалоба ваша отклонена.

Машинистка смотрела на Андрианова. Нет, даже не смутился. А что, если рассказать сейчас про его визит? Не поверят — а свидетели? Это прекрасно знает Андрианов, оттого он так спокоен, оттого он так озабоченно спрашивает...

— А... а... позвольте, муж у вас есть?

— Нет. Но при чем здесь муж?

— Это, так сказать, для социального положения... А, может, у вас есть такой... не официальный?

У Гусевой дрожат губы. «Забрало таки» думает Андрианов.

— А тут про вас говорят, что есть такой...

«Вот теперь, что называется, зажал» — радуется Андрианов. Гусева сощурила глаза. Что это она — смеется? Из-за кроличьего воротника странные звуки. Женщина в нелепом пальтишке зарыдала.

И Андрианов видит, как забавно прыгает на ее плечах обтертый воротник, как поворачивается Гусева и уходит, как смущенно и виновато все молчат.

— Да-с, ничего не поделаешь... рационализация.

* * *

Ключ от комнаты отдан сторожике. Новая машинистка не поспевает за словами диктора, но Андрианов доволен.

М. ХОЛОДЕНКО

Вредная идея

(Маленький фельетон).

Секретарь культкома Киевского Энтреста хорошо знал, что к доске культкомиссии никто никогда не подходит, поэтому, повесив объявление об организации в Энтресте кружка по изучению стенографии, он взял чистый лист казенной бумаги, сложил его вдвое и стал лично обходить всех сотрудников.

В машбюро, с которого он начал свой обход, стоял шум, как в котельном цехе. По звонку старшей все глухари в юбках мгновенно перестали дупить клавиши, и семь пар глаз устали на секретаря культкомиссии.

— Учитывая НОТ, рационализацию и режим экономии, а также в целях сбережения времени ответственных работников, которое абсолютно не укладывается в рамки письма, т. е. наоборот письмо, которое абсолютно не укладывается в рамки времени... одним словом, желающие могут записаться у меня в кружок для изучения стенографии. Кроме того, даю информацию частного порядка: машинистка, не знающая стенографии, по-моему похожа на человека с физическим изъяном, который всякому бросается в глаза. Вы, как женщины, должны это понять.

Нужно ли удивляться, что после этой речи все машбюро в целом записалось в кружок? Опыненный столь легкой победой секретарь культкома направился в общую канцелярию и по дороге завернул в бухгалтерию. Встретив в дверях курьера, он не упустил случая намеркнуть ему, что еще не поздно записаться в кружок, на что курьер с достоинством ответил, что он по причине малограмотности, как всем известно, даже от сдачи украинского языка освобожден, а стенографию, тем паче, наотрез отказывается сдавать. Секретарь культкома попытался его убедить, что дело идет не о сдаче экзамена, а об изучении стенографии, но курьер резонно возразил, что раз изучать, так нужно и сдавать, а иначе не стоит браться.

В бухгалтерии секретарю культкома не повезло. Главбух кроме бороды делеял свой каллиграфически-конторский почерк и боялся его испортить стенографией. Поэтому он решил не рисковать и в кружок не записываться. Остальные сотрудники бухгалтерии уже давно прочно усвоили солидарность с начальством, а старый кассир, выслушав секретаря культкома, посмотрел так пренебрежительно, как будто перед ним был не человек, а очень сомнительный червонец.

— Финсчету стенография ни к чему, — решил секретарь культкома. — Я вот в общей канцелярии человек 10 соберу, и — хватит, можно группу открывать.

Первым у двери сидел делопроизводитель и разговор с ним сразу обнадежил секретаря культкома.

— А, стенография?... Очень остроумно со стороны культкома. Действительно, я смогу наконец, спокойно, принимать телефонограммы. Слышу слово, ставлю значок, слышу второе слово, ставлю второй значок... Слово длинное, значок короткий. До нового слова я сижу и полунезависимо покуриваю. Откровенно говоря, удивляюсь, как нашему культкому могла притти такая мысль...

— Это вы чем восхищаетесь? — вмешался вдруг в разговор проходивший мимо управделами.

— Чем? Конечно стенографией: одно слово — один значок!..

— Вам для протоколов правления тоже рекомендую изучить... Секретарь культкома протянул руку со списка, но она повисла в воздухе.

— Вы мне рекомендуете? — Управделами бегло прошелся ироническим взглядом по лицам своих собеседников сперва сверху вниз, а потом снизу вверх. — Я девятый год веду протоколы правления и до сих пор со своей работой справлялся и без помощи вашей стенографии.

Делопроизводитель, только что чувствовавший себя уже немножко ветераном от стенографии, теперь не без некоторого благородного возмущения удивился:

— Чем же она наша, скажите пожалуйста? То, что я записался — неважно, можно и расписаться... А что касается до аккуратного выполнения обязанностей, так я тоже не хуже других-прочих без стенографии обхожусь.

Секретарь культкома попробовал возразить управделами:

— Вы, конечно, правы, но стенография может упростить и облегчить вашу запись.

— Это — раз, — продолжал управделами, не слыша возражений. — Кроме того, в городе сейчас достаточно безработных стенографов, и создавать им конкуренцию в своем лице и в лице других сотрудников Н-треста, значит противодействовать советской власти в ее борьбе с безработицей, а следовательно, лить воду на мельницу тех элементов, которые хотят подорвать нашу мощь изнутри, увеличивая кадры безработных, вселяя неверие в наши силы и устраивая экономические заговоры.

— При чем тут заговоры? — попробовал еще держаться секретарь культкома: — Вы ведь не собираетесь сейчас приглашать стенографов, а те же сотрудники, знающие стенографию...

— Это — два, — прервал управделами, игнорируя противника. И поэтому я считаю, что идея организации в Н-тресте кружка стенографов совершенно нецелесообразна и идеологически невыдержана.

— Но ведь стенография — это чистой воды рационализация письма... — успел еще выговорить секретарь культкома, теряя от ураганного управделского натиска остатки почвы под ногами.

— Это — три — закончил управделами и, помолчав добавил: — Я, конечно, не могу и не собираюсь запрещать, но считаю идею в корне вредной.

Управделами ушел, а делопроизводитель стал рассуждать вслух: — одно слово — один значок... Обязательно один? А если по старому записать?.. Куда нам, в самом деле, спешить? Все равно, раньше времени не уйдем...

— Оно конечно, — уныло подтвердил секретарь культкома, и докладную записку лучше три дня писать, если это идеологически выдержаннее, чем когда за один день напишешь.

Телефонный звонок прервал их разговор. Секретарь культкома ушел срывать объявление, а делопроизводитель взял трубку.

— Телефонограмма? Что? Говорите медленнее, куда вы спешите?.. Я вам не значками пишу с курением!.. Повторите еще раз!.. Вы думаете, что тут для вас стенограф сидит? Так специально взяли и приготовили!.. Можете медленнее спешить!.. До половины четвертого далеко. А работа не зверь...

Киев.

Макет рационализированного машбюро (с выставки «Вечера советской машинистки»).

Вечер советской машинистки

(2 июля 1928 г.).

Все было необычно в этот день. Даже погода, издававшаяся все время над москвичами, неожиданно облачилась в свои лучшие одежды. С 7-ми часов вечера по Самарскому переулку, от трамвая и до Центрального летнего клуба совторгслужащих, вереницей тянутся женские фигурки. Идут одиночками и попарно. У входа в клуб — небольшой затор. Руки сжимают расчетные книжки. Чей-то голос настраивается по-боевому:

«Если меня не пропустят, — устрою скандал».

Но у контроля — верный глаз. Почти не глядя на книжки, он дает...

дорогу советской машинистке

Машинистки всех союзов — сегодня ее вечер. Вечер, устроенный редакцией журнала «В. С. и М.» вместе с Мосгуботделом совторгслужащих и правлением Центрального летнего клуба СТС.

Сейчас же при входе плакат, приглашающий зайти на выставку труда и здоровья машинистки. Выставка небольшая, наспех сделанная, но все же любопытная. Тут и хорошо сделанный макет образцового машбюро, тут редко еще встречающиеся модели безшумной пишущей машины, электрической пишущей машины, тут диаграммы профзаболеваний машинисток и т. п.

Вот и плакаты журнала «В. С. и М.», наглядно рисующие сколько места в течение всего лишь 5-ти месяцев журнал успел отвести вопросам труда и быта машинисток. Все злободневные, жгучие темы об отпусках, профзаболеваниях, поднятии квалификации и т. п.

От выставки, минуя прекрасный сад, — к закрытому театру. Огромный зал, вмещающий около 1.000 человек, к началу доклада почти полон, но женщины, моло-

«Вечер советской машинистки». Слушают доклад.

дые, старые, средних лет, все продолжают входить. Изредка мелькают фигуры мужчин:

В зале машинистка окончательно делается центром внимания. Это ее приветствует яркий плакат, тянувшийся через всю сцену, с надписью: «Привет советской машинистке».

Это к ней обращается издаваемый для нее журнал «В. С. и М.» с призывом: «Машинистки, организуйтесь вокруг своего журнала».

Это ей посвящен доклад доктора Рабиновича, увлекательно рассказывающего о труде машинистки, о ее профзаболеваниях, о способах борьбы с ними.

Доклад слушается с напряженным вниманием. Так интересно видеть набросанный докладчиком портрет современной машинистки, работающей в тяжелых условиях и потому не любящей, а порой презирующей свою профессию и не видящей избавления от нее. — портрет, в котором почти каждая находит частицу себя.

Жутка картина профзаболеваний, ранней инвалидности, но зато ободряюще звучат намечаемые докладчиком мероприятия по оздоровлению труда машинистки. Нужно только самой начать уважать свой труд, а затем добиться признания его и у других, — говорит докладчик. Нужно шире использовать свою трибуну — журнал. Через журнал можно заставить и общую прессу поднять свой голос за машинистку.

Радостно рукоплещат работницы машинописи, услышав о том, что поэт Безымян-

ский обещал написать поэму, поэму о машинистке.

Аудитория не только слушает, — она и реагирует. Перед президиумом вырастает гряда записок. Эти, большей частью, неуклюжие каракули, выдающие руки, привыкшие больше к «станку», чем к карандашу, спрашивают о заглушении шума, о люпитрах, об инвалидности, но 75% из них на всякие лады твердят об одном:

«Когда же будет дан дополнительный отпуск?»

Вечер закончен большим художественным концертом.

Единственное темное пятно на фоне этого яркого вечера — неприезд Наркомздрава, тов. Семашко, немогшего оторваться от работы для того, чтобы приветствовать огромную производственную армию машинисток всех союзов, объединенных этим вечером. Но он помнил о них и своей теплой статьей «О забытых из забытых» («Н. Г.», № 165 от 18/VII) искупает свой невольный грех.

Последние трамваи развозят «работниц от ундервудов», усталых, но довольных и несколько взволнованных.

«Побольше бы таких докладов, говорят они, — но только пусть приходят администрация и представители МК — пусть они послушают».

Впрочем, услышали и «они». Услышали из ряда газет и журналов, написавших о вечере и о советской машинистке.

Вечер сделал свое дело.

Р. В.

Г. ГЛУХОВ

Рационализация дыбом

В Глуховском окрфинотделе условия работы машинисток крайне тяжелы. Не говоря уже о том, что сама по себе работа окрфинотдела тяжела, так как почти вся цифровая, здесь есть ряд таких ненормальностей, которые можно и нужно устранить.

Машинистки работают в большой комнате, совершенно не приспособленной для машинного бюро. Шум и стук от машин — адский. Черновики пишутся страшно неразборчиво (иллюстрацию при сем прилагаем). Машинисткам часто приходится, потратив немало времени над разбором написанного, обращаться к сотрудникам с просьбой прочесть написанное. Естественно, что это замедляет темп работы и нервирует машинистку.

Требуют от машинисток, чтобы они выбирали цифры из одних граф и разносили их по другим. Как-будто бы это входит в компетенцию машинисток и тоже отражается на продуктивности их работы.

«Рационализация» и «режим экономии» доведены до крайних пределов: отдан приказ по окрфо, чтобы бумага для печатания и копировальная бумага раздавались сотрудникам и каждый нес бы с собой лоскут бумаги для печатания. — В результате:

1) Никогда никакой сотрудник не может точно учесть нужного количества бумаги и тратит много времени для всяких переговоров по этому поводу с машинисткой, отрывая ее от работы.

2) Часто забывают принести бумагу, и машинистки должны в каждом отдельном случае разыскивать сотрудников.

3) Машинистка не может, заложив лист бумаги, напечатать на нем несколько отношений, что сбергает и время и бумагу, так как бумага «собственность» каждого сотрудника, и приходится тратить много лишнего времени на перекладку и т. д.

Кроме того, нет плановости в работе, вечно стоят над душой у машинистки, вечно куда-то торопят, бегают из одного кабинета в другой за резолюциями «печатать вне-очередь» и т. д. — Все это создает путаницу, перебои и тормоз в работе, а также способствует окончательному расшатыванию здоровья машинисток, и без того уже нервных и усталых от своей работы.

P-BA

1924-28гг

Расс	Машин	Машин	Машин	Машин	Машин	Машин	Машин	Машин	Машин	Машин	Машин	Машин
1	4	4	9	9,7%	112,300	106,900	267,400	1200	1458	151,7	179,6	
1	-	-	1	14,8%	-	-	14,800	5	-	-	99,2	
-	-	1	1	-	-	12,000	12,000	-	-	260	4,5	
1	-	5	6	48%	104,500	109,000	900	-	1470	177,3		
7	3	1	4	-	40,400	30000	73,400	5	222,4	15,5	172,5	100
3	-	-	8	21,5%	-	21,500	1350	-	-	1350	10	
6	4	11	24	92,5%	132,700	224,900	50000	-	1100	1000	1210	82,9
-	-	18	13	-	101,500	101,500	5	-	3173	317,3	300,0	
-	-	6	6	-	106,800	106,800	5	-	1855	485,5	200,0	
-	-	2	2	-	8800	8800	-	-	-	-	-	
-	-	3	2	-	-	-	-	-	2200	220,0	200,0	

«Отрывок из произведений Глуховских рационализаторов».

ЯРОСЛАВЛЬ.

Работа к-та стенографов

(Из отчетного доклада 5 апреля с. г.).

За отчетный год лицо нашего коллектива совершенно изменилось: если раньше нас знали, как малочисленную ячейку, обслуживающую некоторые съезды и конференции, теперь это коллектив в 33 чел., участвующий в разрешении общей задачи тру-

дящихся — рационализации госаппарата. 76% общего числа членов коллектива применяют стенографию в своей повседневной работе: при обследованиях, редактировании деловых писем, разработке программ и инструкций, составлении докладов, про-

токопировании заседаний, приеме телефонограмм и др. случаях; 21% применяют ее на общественной работе.

Путь наглядного показа преимуществ стенографического письма при применении в работе учреждений является, конечно самым верным путем пропаганды, но комитет применял и другие способы: организация выставки в союзном клубе, проведение бесплатных работ в профессиональных и общественных учреждениях, освещение вопросов стенографической жизни в прессе, общедоступные лекции и доклады — все это дало свои результаты: вызвало некоторый интерес со стороны учреждений к этому еще мало понятному, но ценному труду.

Это отозвалось на спросе на Бирже труда на канцелярских работников, «знающих стенографию». Постановлением НКТ от 30 июля 1927 г. этой категории работников дано преимущественное право посылки на работу. Немало нам стоило трудов осуществить это право: потребовалось выступление на съезде СТС, обследование секции Биржи труда, доклад в правлении губотдела и т. п. В настоящее время из всего коллектива у нас лишь 5 безработных.

Поднятию квалификации стенографов, участию в научной работе по разработке унитарной системы и ряду других чисто

профессиональных вопросов мы уделяли немало внимания, но вопросу содействия нашему производству — местным курсам стенографии и делопроизводства мы придавали не меньшее значение, чем вопросу пропаганды стенографии.

Перестроив свою программу, курсы в этом году производят 2-й выпуск квалифицированных канцелярских работников со знанием стенографии. В момент проведения РКИ и союзом СТС работы по рационализации техники управления мы считаем существование курсов особо желательным, почему нам приходилось много хлопотать об улучшении материального положения едва не «лопнувших» курсов.

Слабо проводилась массовая работа, в виду разбросанности членов коллектива по разным учреждениям и защитная работа в связи с особыми трудностями, порождаемыми еще недостаточным пониманием некоторыми учреждениями специфичности стенографического труда. В будущем перед нами задачи: еще более усиленной пропаганды внепрения стенографии в соваппарат, проведение конкурса на лучшего стенографа, втягивание в состав курсов служащих совучреждений, заботы о дотации курсам и ряд других, отмеченных в подробном наказе коллектива.

Н. О.

Памяти А. М. Охитович

24 июня сего года Самарские стенографы понесли трудно-возвратимую потерю. Умерла Анна Михайловна Охитович.

[Анна] Михайловна обучалась стенографии на I-х Самарских курсах стенографии, учрежденных Г. Н. Темничка, в 1923 г.

графов видное место и на все самые ответственные работы, как квалификационная комиссия РКК и др. они неизменно выбирают ее.

В тяжелые моменты жизни Самарского объединения, Анна Михайловна умела оставаться одинаково выдержанной, показав необычайный такт и умение ладить с людьми.

Будучи в последнее время заместителем уполномоченного Объединения, Анна Михайловна фактически несла большую часть работы и умерла, беспокоясь именно за нее. В период ее болезни уполномоченный должен был уйти в отпуск, а в это время происходили экзамены на 75 слов. Анна Михайловна была уже в это время больной, но она, дабы дать возможность отдохнуть своему товарищу убедительно просила его все же уехать и взяла всю работу по организации испытаний и производству их на себя. В день, когда она проделала последнюю работу — подписывала и брала из Губпрофобра удостоверение сдавшим экзамен, она вечером слегла, для того, чтобы не встать уже совсем.

Хорошая съездовская стенографистка, прекрасная общественница, тактичный и выдержанный товарищ — Анна Михайловна своей смертью пробила большую брешь в тесной среде самарских стенографов, которые сохранят о ней светлую память.

Н. Плеханова.

ЗАРУБЕЖНЫЕ НОВОСТИ

СТЕНОГРАФИЯ В ШКОЛАХ.

По поводу помещенной во французском журнале «La Verité Sténographique» (от 7 марта 1928 г.) статьи маститого итальянского стенографа — ученого Оскара Греко под заглавием «Монополия стенографической системы в школе», в которой автор упоминает не без гордости, будто Италия является первой из европейских стран, где, по королевскому декрету 1909 г., стенография была введена в качестве обязательного предмета в государственных школах коммерческого типа (с 1923 г. она стала обязательным предметом преподавания в техникумах и дополнительных средних школах), в том же журнале от 7 апреля напечатана статья Губерта Бруча, вносящая существенную поправку в сообщение Греко.

Автор указывает, что в Великом Княжестве Люксембургском уже с 1892 г. стенография является обязательным предметом обучения в промышленных и коммерческих школах, а с 1911 г. она введена также в программу новых женских лицеев (гимназий). Следует заметить, что в Люксембурге два языка — французский и немецкий — являются государственными, а потому и стенография преподается в школах на этих двух языках и ежегодно сотни окончивающих курс средней школы подвергаются в специальной правительственной комиссии испытанию по стенографии на двух языках. Автор статьи замечает, что Люксембург не знает борьбы и соревнования систем, так как в стране преподается и практикуется только одна система Дюплуае, примененная также к немецкому языку.

Другая поправка к утверждению Греко помещена в «La Verité Sténographique» от 7 мая с. г. Швейцарец Можон (Mogson) указывает, что 23 марта 1868 г. кантональная школа в Сен-Гале (Швейцария) получила по декрету субсидию в 600 франков для преподавания стенографии, которое и было введено в этой школе в том же году.

С 1895 года стенография является обязательным предметом обучения в высшей коммерческой школе в Лозанне. С тех пор стенография успела получить большое распространение в школах Швейцарии — для французского языка по системе Эмэ Пари, для немецкого — Штольце-Шрей.

КАКОЙ ПРИНЦИП ПРАВИЛЬНЕЕ?

В статье проф. Алипранди, помещенной в последнем номере журнала «Bollettino della Accademia Italiana» (май-июнь) и посвященной исследованию о встречаемости

букв в итальянском языке, автор совершенно правильно указывает, что принцип «сходные знаки сходным звукам» нередко встречает противоречие с другими принципами: «более удобные знаки для звуков, имеющих большую встречаемость» и рекомендует подчинение первого принципа второму.

ЧЕРНАЯ ДОСКА.

В появившейся в американской печати небольшой брошюре Грегга под заглавием «Черная доска при обучении стенографии» автор уясняет необходимость выписывания на доске стенографических начертаний, так как не только последние, но и самый процесс их вычерчивания, показательное движение руки пишущего — играет при обучении огромную роль.

В немецком унитарном журнале «Deutsche Stenographen Zeitung» профессор Амзель, давая обзор русской стенографической прессы, приводит меткие слова тов. Лапкина «Стенография — наука, а стенографирование — искусство». В иностранном обзоре американского журнала «The Gregg Writer» (май 1928 г.) также приведена эта цитата, извлеченная из журнала «Deutsche Stenographen Zeitung», но приписанная д-ру Амзелю.

Как невнимательны бывают обозреватели к источникам собственных сообщений.

СТЕНОГРАФИЯ В БРАЗИЛИИ.

В Бразилии, по сообщению автора оригинальной системы Альберта Крузе, стенография мало распространена по той причине, что и простая грамотность в населении слабо развита. В прежнее время стенография применялась в парламенте, но с введением республиканского строя изгнана оттуда, как неуживкая. Ее не применяют также ни в Верховном Суде, ни в муниципалитете (городской думе) столицы Бразилии — Рио-де-Жанейро. Нет и стенографической печати. Между тем, еще в 1822 году министром Бонифацио была основана школа, где преподавали по системе Тейлора; школа просуществовала 20 лет. С тех пор вышло в свет много переработок разных систем (Тейлор, Марти, Эмэ Пари, Габельсбергер, Питман, Дюплуае, Роллер, Брауне-Шейтгауер), а также оригинальные системы Соаросса (геометрическая, 1904 год) и Крузе (графическая, 1922 год). Но все это остается достоянием лишь немногих образованных людей.

А. Б.

НАША КОНСУЛЬТАЦИЯ.

(По докл. докт. Рабиновича на «Вечере советской машинистки» в гор. Москве).

1. **Вопрос:** Какой брадся стаж работы машинистки при обследовании?

Ответ: Специального подбора машинисток по стажу не было. При обследовании брадось целиком маш. бюро или учреждение.

2. **Вопрос:** Должны ли пользоваться по субботам машинистки полудачасовым перерывом?

Ответ: Полудачасовой перерыв с формальной точки зрения администрация не должна давать по субботам, т. к. машинистка кончает в субботу в 3 часа, а перерыв на обед, установленный в учреждениях, дается за счет времени сотрудника, а не учреждения.

3. **Вопрос:** Какую норму можно считать не вредной для средней машинистки за 6 часов?

Ответ: Вопрос о рациональных нормах работы машинистки при 6 ч. рабдне будет разобран в специальной статье в одном из ближайших номеров журнала, пока можем рекомендовать принятой Моск. губ. отделом СТС норму в 22 стр. с печатного текста, размер страницы 36 строк, размер строки 60 знаков.

4. **Вопрос:** Будет ли машинисткам предоставлено во время их ежемесячных заболеваний несколько дней отдыха в порядке обязательного постановления?

Ответ: По данным обследования большинство машинисток, но не все, тяжело переносят менструальный период, который отражается также на количестве и на качестве выработки. Связать, однако, устройство месячных исключительно профессиональными моментами (а только тогда может быть речь об обязательном постановлении) нельзя. Вопрос должен быть разрешен врачом учреждения или амбулатории, конечно, без излишней волокиты.

5. **Вопрос:** Проверено ли, насколько употребляемые в настоящее время попитры для машинки сохраняют зрение и влияют на утомляемость?

Ответ: Влияние попитра на уменьшение утомляемости проверено.

6. **Вопрос:** А как мне быть в таком случае: мне мешает доска от стола, так что я сижу боком у стола, и сколько раз не обращалась, администрация отшучивалась, в роде того, что: «Вы растолстели», а потому не мешало бы прослушать н/администрации доклад о труде машинистки.

Ответ: Вопрос товарища лишний раз подчеркивает, что среди администрации н/учреждений еще далеко не ликвидирована санитарная безграмотность, вывод товарища, что доклады по вопросам труда и зловья работников машинописи должны ставиться не только для машинисток, но и для

администрации правлен, в ближайшем будущем такой доклад будет поставлен.

7. **Вопрос:** Что отражается вредней на слухе, шум окружающей конторской обстановки, или шум соседних машинок в бюро?

Ответ: На слухе отражается вредней стук машинок, как постоянно действующий раздражитель. Однако, на нервную систему, на ряду со стуком машинок, к которому машинистки частично привыкают, действуют тяжелее «посторонние» шумы, как-то: разговоры, телеф. звонки, щелканье счетов, дезорганизующие ее профессиональную установку.

8. **Вопрос:** Можно ли поставить вопрос о том, чтобы машинистка в любом учреждении работала не больше 6 часов?

Ответ: Машинистка является частью канцелярского аппарата, и поскольку весь канцел. аппарат переведен на 8-час. рабдень, как связанный с производством, постольку он должен быть в течение всего дня обеспечен машинописной работой. Однако, путем установления дежурств в первый и последний час, может быть сохранен 6-7 часовой рабочий день для машинисток. Так, машинистки, работающие в некоторых конторах и редакциях газет, имеют 7-часовой рабочий день при 8-часовой работе всего канцелярского аппарата.

9. **Вопрос:** Какие меры надо принять, чтобы обеспечить себя под старость, проработав более 25 лет и получив профболезнь и нервную болезнь, делающую почти негодной к работе. Освидетельствование на пенсию по 3-й группе не может обеспечить, так как оклад пенсии составляет 3-ю часть оклада, т. е. 19—22 рубля, а при болезни рук заработать себе другим путем очень трудно.

Ответ: Если врачебно-контрольная комиссия установит, что ваша инвалидность профессионального происхождения, вы будете отнесены не в 3-ю, а во 2-ую группу, и получать повышенную пенсию (см. статью тов. Акшина в этом же №).

10. **Вопрос:** Отчего обследование не коснулось низкой оплачиваемости труда машинисток, по сравнению с делопроизводителем и т. д. и вообще материального ее положения?

Ответ: Производилось лишь обследование труда машинистки и ее профессиональной заболеваемости. В дальнейшем надо полагать, союз поставит обследование по незатронутым пока вопросам труда и быта машинистки, в том числе и обследование ее бюджета. Подтягивание зарплаты машинистки, хотя и медленно, но производится все время. Об отдельных случаях низкой зарплаты пишите нам.

Ответственный редактор Р. Вексман.

Издатель ЦК ССТС.

Мосгублит № 19938.

Зак. № 2878.

Тираж 2.500.

Типогр. Всеросс. Коопер. Издат. Союза «КНИГОСОЮЗ», Петровка, 17.